

Disputatio

Дискуссия

**«...И БЕ ИХ СТОЛЬКО, ЕЖЕ НЕСТЬ ЧИСЛА»:
СКОЛЬКО ВОИНОВ ВОЕВАЛО В РУССКОЙ АРМИИ В XVI В.?**

А. Н. Лобин

**К ВОПРОСУ О ЧИСЛЕННОСТИ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ
РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА В XVI В.**

ПРОБЛЕМА ИЗУЧЕНИЯ ЧИСЛЕННОСТИ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ

Дискуссии о численности русского войска XVI в. продолжаются не один десяток лет. Наличие множества мнений обусловлено крайней скудностью источников документального характера — в отличие от XVII столетия, не сохранилось полных «смет» всех вооруженных сил Российского государства времен Ивана III, Василия III,

Ивана IV, Федора I Ивановича. Ни одна из существующих моделей обсчета не является адекватной. Проблема выявления явной и скрытой информации в историческом источнике стоит очень остро, а в методологическом плане все известные приемы, к сожалению, далеки от совершенства.

Настоящая работа ни в коей мере не претендует на завершенность в плане решения вопроса о численности армии, в ней делается лишь очередная попытка выявить количественные показатели, по которым можно приблизительно рассчитать размеры вооруженных сил в XVI веке.

До конца XIX в. историки оперировали сведениями о численности русского войска, взятыми из повествовательных источников, не останавливаясь на критическом разборе сведений. Приведем некоторые примеры оценочных суждений историков. Д. Ф. Масловский в работе, посвященной поместным войскам, отмечал, что для XVI столетия «считают боевого элемента от 80 000–100 000, а с вооруженными слугами до 300 тысяч. В конце столетия полагают (но без основания) до 60 000»¹.

В 1891 г. С. М. Середонин выдвинул предположение о размерах русского войска, в основе которого лежали нормативный документ — «Уложение о службе 1556 г.», а также разряды Полоцкого 1562/1563 и Ливонского 1577/78 гг. походов и сообщения Дж. Флетчера. Историк оценивал численность дворян и детей боярских

...тысяч в 25, но *только с очень большим риском* можно допустить, чтобы число это должно быть увеличено в три раза, так как считать поместье в 200 четей средним поместьем служилого человека *будет скорее значительным преувеличением* (выделено нами. — А. Л.). В таком случае московская конница состояла всего, приблизительно, из 75 000 человек.

Кроме поместных, в составе войска были не больше 10 000 татар, 20 000 стрельцов и казаков, 4000 иностранцев. Общая численность вооруженных сил, по мнению С. М. Середонина, к концу XVI в. равнялась примерно 110 000 человек². Данные вычисления можно назвать «отправной точкой» российской историографии — последующие исследователи либо оспаривали, либо соглашались с ними.

Концепцию С. М. Середонина дополнил уже в советское время профессор Историко-архивного института А. В. Чернов. Он писал:

С 200 четвертей земли помещик должен был приводить, по Уложению 1556 г., не двух, а одного вооруженного человека, так как с половины указанной земли (100 четвертей) он нес службу лично сам. Следовательно, общее число дворянского ополчения составляло не 75, а 50 тыс. человек³.

С учетом того, что помещики «очень неаккуратно приводили с собой вооруженных людей», цифру дворянской конницы в 50 000 человек А. В. Чернов считает «максимальной». Следует отметить, что его фундаментальный труд — докторская диссертация — был посвящен в основном XVII столетию, а изданная на его основе книга имела довольно неудачную структуру и очень сжатую информацию по некоторым ключевым

¹ Масловский Д. Ф. Поместные войска русской армии в XVII столетии // Военный сборник. 1890. № 9. С. 12–13.

² Середонин С. М. 1) Известия иностранцев о вооруженных силах Московского государства в конце XVI века. СПб., 1891. С. 3–13; 2) Сочинение Джильса Флетчера как исторический источник. СПб., 1891. С. 342.

³ Немногим ранее эту мысль высказал А. В. Бородин: служилый человек «шел в счет тех людей, которые требовались по расчету с земли» (Бородин А. В. Уложение о службе 1556 года // Сборник статей по русской истории, посвящ. С. Ф. Платонову. Пг., 1922. С. 147).

вопросам военного дела⁴. Не лишена она и противоречий. Так, А. В. Чернов, рассуждая о количестве русских воинов в 150 000–350 000, (цифры взяты из нарративных источников), считает его «преувеличенным», но в то же время отмечает: «При серьезной военной опасности Русское государство могло в то время собрать до 200 тыс. конных и пеших воинов»⁵.

А. А. Зимин полагал, что вычисления С. М. Середонина «дают несколько заниженную цифру», но свою позицию он никак не комментировал, замечая при этом: «В целом же в середине XVI в. русская армия насчитывала около 150 000 человек...»⁶. Автор «Истории военного искусства» Е. А. Разин определял военную мощь Русского государства в 70 000 (35 000 поместной конницы, 12 000 стрельцов, артиллерия до 3000, казаки до 6000, наемники до 4000, татары до 10 000), а в «...поход могло выступить значительно меньше половины этой цифры»⁷. При этом численность войск, например, под Оршей в 1514 г., где русские войска потерпели сокрушительное поражение, Е. А. Разин оценивает до 40 000 человек⁸.

Во всех этих случаях рассуждения о 150 000–200 000-м войске ничем не подкреплены. Если оценки историков XIX в. представляли собой первые попытки взвешенного анализа численности войска (С. М. Середонин), то суждения о русской рати некоторых советских исследователей были вызваны главным образом *доктринальными* соображениями (А. А. Зимин, А. В. Чернов, Е. А. Разин).

Среди последних работ, посвященных интересующей нас теме, следует назвать исследование С. М. Каштанова, вызвавшее оживленную дискуссию. В 1991 г. он выступил против сложившейся в историографии тенденции к преувеличению численности русского войска. Мнение С. М. Каштанова было изложено в нескольких статьях⁹. По его подсчетам, в XVI столетии вооруженные силы не превышали 50 000 человек.

В 2004 г. выводы С. М. Каштанова оспорили В. А. Волков и М. М. Кром. В. А. Волков, согласный с вычислениями С. М. Середонина, отметил, что:

...Каштанов полностью игнорирует сообщения источников о ежегодном выдвижении на юг полков, о строительстве на «украине» новых городов, прикрывать которые должны были выступавшие в степь войска, о высылке ратей для поддержания порядка в беспокойной Казанской земле¹⁰.

М. М. Кром высказал два замечания. Во-первых, подсчеты по разным периодам XVI в. должны вестись раздельно, и, в частности, о численности армии первой

⁴ Марголин С. Л. Рецензия на книгу А. В. Чернова «Вооруженные силы Русского государства в XV–XVII вв.» // ВИ. 1955. № 4. С. 154–157.

⁵ Чернов А. В. Вооруженные силы Русского государства в XV–XVII вв. (С образования централизованного государства до реформ при Петре I). М., 1954. С. 33, 92–93.

⁶ Зимин А. А. Реформы Ивана Грозного: Очерки социально-экономической истории России середины XVI в. М., 1960. С. 448.

⁷ Разин Е. А. История военного искусства. М., 1957. Т. II. С. 343.

⁸ Там же. С. 351.

⁹ Каштанов С. М. 1) К вопросу о численности русского войска и народонаселения в XVI в. // Реализм исторического мышления: Проблемы отечественной истории периода феодализма. Чтения, посвященные памяти А. Л. Станиславского. М., 1991. С. 112–115; 2) Корпоративный состав русского войска в XVI в. // Российское государство XVII – начала XX в.: Экономика, политика, культура. Екатеринбург, 1993. С. 73–75; 3) Zu einigen Besonderheiten der Bevölkerungssituation Russlands im 16. Jahrhundert // JGO. Wiesbaden, 1995. Bd 43. Hf. 3. S. 321–346.

¹⁰ Волков В. А. Войны и войска Московского государства. М., 2004. С. 409.

половины столетия нельзя судить по данным последней трети века, так как социально-политическая и экономическая обстановка в стране в разные периоды была различной. Во-вторых, в отличие от С. М. Каштанова, М. М. Кром предлагает не отказываться от нарративных источников и в методологическом плане ставит задачу корректного сопоставления известий летописей, записок иностранцев и т. д. о численности русского войска с данными разрядов.

Сравнив разрядные записи (исследователя интересовало, прежде всего, количество воевод в походе) с летописными и западноевропейскими известиями, М. М. Кром доказывает, что армия «в первой трети XVI в. в походах на западном направлении составляла обычно 40–60 тыс. чел.», а в «поле одновременно могло находиться до 80 тыс. чел.» Но и «орда» в 100 000–120 000 человек, по словам М. М. Крома, не являлась «плодом воображения современников». Оценку в 150 000 «...можно рассматривать как указание предела мобилизационных возможностей Московского государства той эпохи. В реальности, однако, едва ли этот предел был хотя бы однажды достигнут за первую половину XVI столетия»¹¹.

В 2008 г. в первом номере «Отечественной истории» вышла статья В. В. Пенского, посвященная количественному измерению русского войска XVI в. Исследователь попытался выделить некоторые рамочные ограничения размеров войска, «за пределами которых предлагаемые цифры могут быть признаны нереальными». Автор предположил, что:

...к началу 60-х гг. численность русского войска составила около 100 тысяч или даже более ратных людей. Однако со 2-й половины 60-х гг. начался новый спад. Критической точкой стал конец 70-х – начало 80-х гг. XVI в., когда, судя по всему, численность русского войска упала до самой минимальной отметки за весь рассматриваемый период. Приводимая С. М. Каштановым цифра в 50 тыс. ратных людей для этого периода представляется вполне реальной¹².

Мы уверены, что прежде чем ставить задачи *корректного* сопоставления нарративных сведений с разрядными записями, необходимо решить вопрос *достоверности* самих известий. Без этого всякое сопоставление бесперспективно. Принцип прямого сопоставления повествовательных источников и разрядных книг не всегда может быть применен к количественному измерению вооруженных сил, так как в стороне остаются такие показатели, как размеры служилого землевладения и служилых корпораций XVI века.

Рассуждая о формах военной организации, многие не разъясняют используемую терминологию. В результате неясно, что автор, к примеру, подразумевает под термином «войско» — целостный военно-организационный механизм государства или же только вооруженные силы без учета вспомогательных невооруженных соединений, или общее количество воинов, выставленных одновременно в поле на одном или нескольких оперативных направлениях? Что имеет в виду историк, рассуждая о «поместной коннице» и «пехоте»? Можно ли в первое понятие включать кошевых холопов или «людей в кошу», число которых не нормировалось Уложением о службе 1556 г. вслед-

---

¹¹ Кром М. М. О численности русского войска в первой половине XVI в. // Российское государство в XIV–XVII вв.: Сб. статей, посвященный 75-летию со дня рождения Ю. Г. Алексеева. СПб., 2002. С. 82.

¹² Пенской В. В. Военный потенциал Российского государства в конце XV–XVI вв.: Количественное измерение // ОИ. 2008. № 1. С. 3–13.

стве сомнительной боевой ценности, а во второе — «посошную рать», занимавшуюся не боевыми, а саперными работами?

Как видим, дефиниции имеют принципиальное значение в работе над исследованием численности вооруженных сил XVI в. Чтобы избежать путаницу, в дальнейшем мы будем применять термины «армия» и «войско» в обозначении действующей войсковой группировки. Вспомогательные невооруженные соединения никак не попадают под терминологию вооруженных сил, поэтому в дальнейших наших расчетах они учитываться не будут.

Из всех имеющихся в распоряжении исследователя источников, самыми достоверными данными обладают разрядные записи. Но в отношении разрядных книг еще А. А. Зиминым подмечено: «Русские данные (прежде всего разрядные книги) отличаются точностью, но дают не общую численность войск, а состав войска того или иного похода...»¹³. При этом надо заметить, что в разрядах за первую половину XVI в. слишком редко встречаются и численные данные по составу армии. В большинстве случаев перечисляются только воеводы. Никаких разрядных росписей, подобных «смете» вооруженных сил Московского государства 1651 г.¹⁴, за XVI в. не сохранилось.

Работа с летописными сведениями о численном составе вызывает довольно серьезные трудности. В. В. Пенской справедливо замечает, что для составителя летописи было очевидно: «ничто в этом мире не происходит помимо воли Божьей, а для исполнения Божественной воли и замысла численность войска не имеет значения». Поэтому в текстах летописей возможны сознательные и несознательные преувеличения («мню всех 150 000 силы... И шетше сътвориша зла много...»¹⁵, «иные многие воеводы со многими со тмочисленными людьми, воевали литовские места до Вильны и за Вильну и выво-евали...а из Литовские земли, дал Бог, пришли здорово») ¹⁶.

Тем не менее мы считаем, что полностью отказываться от анализа нарративных источников, как это делает, например, С. М. Каштанов, нельзя. Несмотря на явные преувеличения размеров армии, в них можно найти, правда в редких случаях, ценные сведения о комплектовании и обеспечении фуражом отдельных войсковых группировок¹⁷. Особого внимания заслуживают сообщения, в которых отразились какие-либо разрядные записи, в том числе так называемые «походные дневники»¹⁸.

Еще одним видом источников, говорящих нам о численности русского войска, являются записки иностранцев. Так как они часто указывают «точную» численность

---

¹³ Зимин А. А. Указ. соч. С. 445.

¹⁴ «Сметный список» военных сил России в 1651 г. // *Дворянство России и его крепостные крестьяне XVII – первая половина XVIII вв.* М., 1989. С. 8–33; *Веселовский С. Б.* Сметы военных сил Московского государства 1661–1663 гг. М., 1911. В отличие от XVI века, разряды, составленные при первых Романовых, содержат подробные росписи войск (Книги разрядные по официальным оных спискам, изданные с высочайшего соизволения II Отделением с. Е. И. В. канцелярии. СПб., 1853–1855. Т. 1–2).

¹⁵ Псковские летописи. М., 1955. Вып. 2. С. 228.

¹⁶ ПСРЛ. М., 1978. Т. 34. С. 25.

¹⁷ Так, известие Псковской летописи о расходе хлеба и сена в 1501 г. на новгородско-тверское войско («...жили во Пскове три недели, а псковичам много протори, овса сто зобниц, а сена сто стогов, да тон проторы, кое на колачи, кое на хлебы, 25 рублей на один день...») заслуживает особого внимания. К. В. Базилевич рассчитал, что указанная «норма» расписана на 5000–6000 человек (*Базилевич К. В.* Внешняя политика Русского централизованного государства. Вторая половина XV в. М., 1952. С. 478). Мнение К. В. Базилевича оспорил В. В. Пенской. По расчетам последнего, речь в летописи могла идти о контингенте в 14 500 человек (*Пенской В. В.* Указ. соч. С. 3–13).

¹⁸ *Алексеев Ю. Г.* Походы русских войск при Иване III. СПб., 2007. С. 50.

русских войск, зачастую эти сведения используются и в научных трудах. Но при обращении к иностранным свидетельствам историк обнаруживает признаки, присущие нарративным источникам: тенденциозность и субъективизм. Приведем несколько примеров.

Русский посол Д. Герасимов в 1525 г. заявил в Риме, что государь может выставить «больше ста пятидесяти тысяч конницы»¹⁹. Сведения, данные послом в дальнейшем использовались при описании вооруженных сил «Московии» у Д. Тревизано (1554) и М. Кавалли (1560)²⁰.

Иоганн Фабри (1526) доносил испанскому королю, что «за короткое время [великий князь] может собрать двести или триста тысяч или иное огромное число [ратных людей], когда он намеревается вести войско против своих врагов»²¹. О 200 000-м войске «московитов» писали во второй половине XVI в. М. Фоскарини, Ф. Руджиери и др. Согласно Р. Ченслеру (1553), царь:

... в состоянии выставить в поле 200 или 300 тысяч человек, и если он идет сам походом, то оставляет на всех границах своего государства немалое число воинов. На границах Лифляндии он оставляет 40 тысяч, на границе Литвы — 60 тысяч, а против Ногайских татар также 60 тысяч, что даже удивительно слышать. Однако он никогда не берет на войну ни крестьян, ни купцов. Все его воины — конные. Пехотинцев он не употребляет, кроме тех, которые служат в артиллерии, и рабочих; число их составляет 30 тысяч²².

Есть ли хоть какие-нибудь основания доверять иностранным сведениям или оценкам летописей? При исследовании «визуальных оценок» очевидцев необходимо поставить вопрос — существует ли возможность, с точностью до нескольких тысяч, визуально определить, сколько воинов в полевой армии — 10 000 или 30 000, 40 000 или 50 000? Думается, что предел реальным визуальным оценкам должен быть всего несколько тысяч. При «десятитысячных» оценках возможны ошибки, в основном в сторону *значительного* преувеличения. С учетом неразвитости дорожной системы можно предположить, что войска «просачивались» длинными веренищами через поля и леса по просекам, гатям и дорогам. Колонны войск, проходящие через узкое дефиле, в глазах наблюдателя покажутся «тьмочисленными ратями». Такое же впечатление нескончаемости полков складывалось у иностранцев и на торжественных смотрах вооруженных сил.

Учитывая эмоциональное восприятие «варварских орд», заложенного в сознание европейца западноевропейскими изданиями, не стоит удивляться «сотням тысяч московитов» на страницах иноземных свидетельств. Если иностранцы и стремились выяснить для себя состав и размеры русских вооруженных сил, то не имели точных сведений, поэтому довольствовались как визуальными наблюдениями, так и рассказами не имевших никакого отношения к военному делу лиц. В такой ситуации очень сложно найти мерило для проверки иностранных свидетельств. Но даже практически полное отсутствие других данных не дает исследователю право доверять сообщениям евро-

---

¹⁹ Павел Йовий. Книга о посольстве Василия, великого князя Московского, к папе Клименту VII // Россия в первой половине XVI в.: взгляд из Европы / Пер. А. И. Малеева и О. Ф. Кудрявцева. М., 1997. С. 288.

²⁰ Зимин А. А. Указ. соч. С. 446

²¹ Цит. по: Кудрявцев А. Н. Трактат Иоганна Фабри «Религия московитов» // Россия и Германия. М., 1998. Вып. 1. С. 19.

²² Цит. по: Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке / Пер. Ю. В. Готье. М., 1937. С. 59.

пейцев. Многие иностранцы, побывавшие в Москве, стали невольными пособниками распространения мифа о «тмочисленности» русского войска.

Причины преувеличения «армии москвитя» в агитационных летучих листках и хрониках достаточно очевидны: в случае победы триумф будет звучать наиболее величественным, а в случае поражения можно было оправдать свои неудачи многократным превосходством врага.

Также не вызывают доверия сообщения представителей русской посольской службы. И смотры вооруженных сил перед иностранцами, и пафосные речи послов при дворах европейских правителей являлись вариантами одного сценария. Русский «посольский обычай» представлял собой некое театрализованное представление и пышный церемониал. Показываемые послам зрелища имели цель продемонстрировать мощь государства, богатство русского царя и даже внушить страх. Посольская служба не только участвовала в демонстрации вооруженных сил иностранным послам, но и разрабатывала инструкции для своим резидентов, которые при дворах европейских правителей говорили о том, какая «у великого государя собирается сила многая и несчетная». Причем тема пропаганды военной мощи ярко звучала и в XVI, и в XVII столетии. И все послы — начиная от Дмитрия Герасимова в Риме в 1525 г., и заканчивая послом во Флоренции и Венеции Иваном Чемодановым в 1657 г.²³ — выполняли, в сущности, одну и ту же задачу по дезинформации противника, поставленную перед ними посольской службой.

То, какие ошибки можно сделать при подсчетах, имея на руках сведения только нарративных источников, покажем на небольшом примере, связанном с вопросом численности армии одного из главных врагов Ивана Грозного — Стефана Батория.

В 1580 г. в Нюрнберге вышел «летучий листок» — «Польская газета»²⁴. В нем содержался текст манифеста Стефана Батория («Божией милостию, Мы, Стефан...»), а на 13-й странице приводилась роспись армии польского короля, выставленной в поход, в составе которой было:

венгерской пехоты 2400,
венгерской конницы 2600,
отряд королевского брата (из Трансильвании) 2500,
польской кавалерии 6000,
войска литовского 12 000,
немецкой наемной пехоты 2000,
отряд киевского воеводы (кн. Острожского) 8000,
отряд кн. Слуцкого 15 000,
низовских казаков 15 000,
дворян из Литвы 15 000,
«белых» татар 8000,
«диких» татар 4000.

Всего с другими частями 136 500 человек, «не считая прусских полков и других чинов».

---

²³ И. Чемоданов о войске Алексея Михайловича в 1657 г. заявил: «У нашего великого государя, против его государских недругов, рать собирается многая и несчетная, а строения бывает разного...». Далее он описывал «многие тысячи» гусар, копейщиков, поместных, солдат, драгун, казаков, стрельцов (Древняя Российская Вивлиофика, изданная Н. Новиковым. М., 1788. Ч. IV. С. 192).

²⁴ Pollnische Zeitung. Summarische und wahrhafft Beschreibung von jungsten bekriegung und erobering etlicher fürnemer Städt und Vestungen etc. Nürnberg. MDLXXX.

Казалось бы, перед нами — перепечатанный «Польской газетой» официальный документ, состоящий из манифеста короля и военной ведомости. По словам В. Г. Василевского, среди печатных источников всех других «...серьезнее и важнее список военных сил, собранных королем против московского тирана, о количестве которых нет других сведений».²⁵

Имеется ряд и других свидетельств, в которых говорилось об огромной армии короля, насчитывавшей более 100 000 человек. Так, захваченные поляками пленные рассказали, со слов Яна Зборовского, «...что три татарина, убежавшие из нашего (польского. — *А. Л.*) войска, донесли великому князю, что у короля 106 000 вооруженных конных людей, готовых к бою. *Вследствие этого большой страх* (выделено нами. — *А. Л.*)».²⁶ В «Повести о приходе Стефана Батория на град Псков» также говорится о 60 000 наемников и 40 000 «своих людей», не считая торговых и прочих. Многими исследователями численность войск польского короля почти не подвергалась сомнению²⁷.

Между тем, польский историк Х. Котарский, изучив реестры 1579 г., подсчитал, что вооруженные силы Речи Посполитой насчитывали всего 56 069 человек, а в походе — 41 814 человек (обозные при этом не учитывались)²⁸. Тем самым численность армии в «Польской ведомости» увеличена в 2,5–3,5 раза. К сожалению, несмотря на это многие историки остаются под влиянием пропагандистских мифов многовековой давности. 100 000 человек армия Батория могла насчитывать только в том случае, если включить в нее многочисленную «обозную челядь», купцов и маркитанок, крестьян и «полковых девок».

ВОЙСКО РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА В XVI В.

Поместная конница являлась основой вооруженных сил Российского государства. Суть военной системы поместного землевладения была такова: дворяне и дети боярские получали земельный надел только при условии военной службы.

В литературе принято считать, что каждый помещик выставлял со своего поместья от одного до нескольких боевых слуг. Напомним, что С. М. Середонин, с чьими вычислениями соглашалось большинство историков, «с большим риском» допускал максимальную численность поместного войска в 75 000 (с боевыми слугами)²⁹. Вообще в литературе можно встретить следующие соотношения помещиков и послужильцев: 1:1; 1:2; 1:3³⁰.

Как известно, число помещиков и их слуг зависело от земельной площади уезда, пригодной для поместной «дачи». Но сторонники «тмочисленности» русского войска

---

²⁵ *Василевский В. Г.* Польская и немецкая печать о войне Батория с Иоанном Грозным // ЖМНП. 1889. Январь. С. 136–137.

²⁶ Дневники второго похода Стефана Батория на Россию (1580 г.) / Пер. О. Н. Милевского. М., 1897. С. 9.

²⁷ По словам Г. А. Замятина, Псков выдержал «осаду почти стотысячного войска польского короля Стефана Батория» (*Замятин Г. А.* «Псковское сиденье» (Героическая оборона Пскова от шведов в 1615 г.) // ИЗ. М., 1952. Т. 40. С. 190).

²⁸ *Kotarski H.* Wojsko polsko-litewskie podczas wojny inflanckiej 1576–1582 // Studia i materiaiy do historii wojskowości. Warszawa, 1971. Т. XVII. Cz. II. S. 102–105.

²⁹ *Середонин С. М.* Известия иностранцев... С. 3–13.

³⁰ *Чернов А. В.* Вооруженные силы... С. 92–93; *Етифанов П. П.* Войско и военная организация // Очерки русской культуры XVI в. М., 1977. Ч. I. С. 342; и др.

полностью игнорируют размеры служилого землевладения. Если применить к их вычислениям обратную логику, то получается вывод, противоречащий первоначальным построениям: увеличивая размер поместной конницы по формуле $25\ 000$ (дворяне) $\times 3$ (слуги) = $75\ 000$ (поместная конница), историки как-то «забывают» умножить последнюю цифру на 100 четей. Между тем, по «Уложению о службе» 1556 года, с каждых 100 четей выставлялось по вооруженному воину. В итоге получается 7,5 млн четей — такого размера помещичьих хозяйств Россия попросту не имела.

Резонно, конечно, предположить, что в ряде случаев помещики могли выставить людей больше нормы, получив за это денежную компенсацию. Но, как правило, такие ситуации были скорее экстраординарными событиями. Следовательно, мы не можем говорить о конных массах такого размера. Еще тем же С. М. Середониным замечено: сохранившиеся писцовые книги второй половины XVI в. показывают, что «у громадного большинства поместья ниже 200 четвертей земли»³¹. Сохранившаяся Каширская десятина 1556 г. наглядно демонстрирует в нередких случаях полное отсутствие у помещиков слуг³², т. е. поместья таких дворян состояли из менее чем 100 четей.

На наш взгляд, нельзя и крайне опасно рассуждать о численности помещиков и слуг без учета специфики сословно-служилой группы. Дворянство было тесно связано с другими категориями служилых людей, в частности с несвободными военными послужильцами. В 1500–1520-х годах, на начальном этапе развития поместной системы, размеры земельного фонда не соответствовали численности тех, кто получил право на поместье. В некоторых случаях правительство вынуждено было раздавать земельные наделы выходцам из послужильцев (например, в пяти пятинах Новгородской земли).

К середине XVI в. рост численности служилого сословия обогнал рост земельного фонда. Из-за разрастаний дворянских семей правительство уже не имело возможности обеспечивать всех «новиков» земельными наделами. Указом 1558 г. было узаконено право пустопоместных и беспоместных служилых людей — сыновей дворян старше 15 лет — на военную службу в качестве кабальных слуг³³. По наблюдениям В. М. Панеяха, среди военных слуг, получавших денежные суммы, «было весьма немалое количество именно детей боярских». Исследователь предположил, что спрос на послужильцев начал падать только ко времени окончания Ливонской войны³⁴.

Составу, численности и вооружению боевых слуг (холопов) посвящены статьи Н. В. Смирнова³⁵ и Д. М. Фатеева³⁶. В десятиях XVI–XVII вв. встречаются три группы

³¹ Середонин С. М. Сочинение Джильса Флетчера... С. 341.

³² Гуляев Е. О детях боярских и отроках княжеских и вообще о дворянах, служивших в России до конца XVIII столетия // «Heraldica». Исторический сборник Н. В. Шапошникова. СПб., 1900. Т. I. С. 28–44. — По наблюдению Н. В. Смирнова, таких дворян было 71 (Смирнов Н. В. Боевые холопы в составе поместной конницы в первой половине XVI – первой половине XVII вв. // Исследования по истории средневековой Руси: Сб. статей к 80-летию Юрия Георгиевича Алексева. М.; СПб., 2006. С. 374. Табл. 1).

³³ Памятники русского права. М., 1956. Вып. IV. С. 515. По служилой кабале служилые люди могли получать до 15 руб. (так называемый в историографии «15-рублевый максимум»). См.: Романов Б. А. К вопросу о 15-рублевом максимуме в служилых кабаках XVI в. // Изв. М., 1955. Т. 52. С. 332–336; Алексеев Ю. Г. Пятнадцатирублевый максимум по служилой кабале, служба с земли и феодальная рента // Исследования по социально-политической истории. Л., 1971. С. 113–114.

³⁴ Панеях В. М. Кабальное холопство на Руси в XVI в. Л., 1967. С. 72, 77.

³⁵ Смирнов Н. В. Указ. соч. С. 369–383.

³⁶ Фатеев Д. М. Вооружение и снаряжение русской кавалерии в 1556–1579 гг. // Прошлое Новгорода и Новгородской земли: Материалы научной конференции. Великий Новгород, 2002. Ч. 1. С. 147–154.

слуг: 1) боевые холопы, вооружение которых мало отличалось от помещика; 2) слуги с господским конем; 3) кошевые. Если первые две группы представляли боевой элемент, то, по наблюдению Н. В. Смирнова:

масса кошевых (обозных) холопов не считалась полноценной частью русской поместной конницы как при разработке Уложения о службе 1555–1556 годов, так и в последующее столетие. Их наличие не являлось важным показателем боеготовности служилого человека “по отчеству”³⁷.

Заметим также, что нормы Уложения о службе к кошевым холопам не применялись, практически никто из них не имел защитного снаряжения³⁸. В связи с этим возникает вопрос — можно ли относить этих обозных людей к поместной коннице? Так как боевые качества кошевых холопов являлись сомнительными, резонно отнести их не в категорию вооруженных сил, а во вспомогательные войска, несмотря на то что выставлялись они вместе с поместным ополчением. В связи с этим, на наш взгляд, нет оснований определять среднее соотношение «помещик — боевой слуга» для XVI столетия иначе чем 1:1.

«Иноземный контингент» в составе русского войска занимал особое место. Со времен Ивана III в рядах войск находились подразделения служилых татар и мордвы³⁹. До присоединения Поволжья общее число татарских отрядов было небольшим; обычно они включались в состав большого или передового полка (Оршанская битва 1514 г., поход на Литву 1535 г.). Пик участия татар приходится на Полоцкий поход — 5580 человек⁴⁰. В дальнейшем их значение начинает падать. Основной причиной этого, по словам А. В. Белякова, был недостаточный уровень снаряжения (большинство были мелкопоместными помещиками) и моральной стойкости по сравнению со служилыми «городами»⁴¹. Тем не менее легкие татарские «загоны» использовались на западном фронте на протяжении всей Ливонской войны для разведок, обходов и опустошения территории противника.

Определенные вопросы возникают с подсчетом размеров пехотных соединений в XVI веке. Если в кампаниях Василия III численность пехоты значительно уступала коннице, то уже с царствования Ивана IV происходит значительное увеличение общей доли пеших воинов в войске. Вооруженные огнестрельным оружием пищальники впервые появляются в 1480-х – начале 1500-х годов. Они составляли незначительную часть русского войска. Со временем из состава пищальников формируются пушкарки и стрельцы⁴².

В 1550 г. царь «учинил у себя» «выборных стрелцов и с пищалей 3000 человек, а велел им жити в Воробьевской слободе». Всего было создано шесть «статей» (отрядов) по 500 человек в каждой. В первой «статье» Григорий Желобов Пушешников, во второй —

---

³⁷ Смирнов Н. В. Указ. соч. С. 383.

³⁸ Фатеев Д. М. Вооружение и снаряжение русской кавалерии... С. 152.

³⁹ Вельяминов-Зернов В. В. Исследование о касимовских царях и царевичах. СПб., 1863–1864. Ч. I–II; Беляков А. В. 1) Политика правительства Ивана III по отношению к Чингизидам в России // ТКИР. СПб., 2006. Т. I. С. 265–283; 2) Служилые татары XV–XVI вв. // Битва на Воже — предтеча возрождения средневековой Руси. Рязань, 2004. С. 81–91.

⁴⁰ Подсчитано по пяти полкам: Книга Полоцкого похода 1563 г.: (Исследование и текст) / Подгот. текста, статья и указатели К. В. Петрова. СПб., 2004. С. 39–45.

⁴¹ Беляков А. В. Политика правительства Ивана III... С. 282.

⁴² Подробнее см.: Пахомов И. Пищальники Василия III // Цейхгауз. 2003. № 20. С. 6–9.

Дьяк Ржевский, в третьей — Иван Черемисинов, в четвертой — Василий Прончищев, в пятой — Федор Дурасов и в шестой — Яков Бундов⁴³. Рост стрелецких частей с XVI по XVII в. шел постепенно.

По сообщению Никоновской летописи, в Полоцком походе принимали участие 12 000 стрельцов⁴⁴. Эту цифру принимают М. Ю. Романов⁴⁵ и М. М. Кром⁴⁶. По нашему мнению, она чрезмерно завышена. Если брать в расчет максимальный размер стрелецкого полка в 500 человек («пятисотенный приказ»), получается, что под Полоцком было 24 «приказа». Такого количества московских стрелецких частей не было в России вплоть до царствования Алексея Михайловича. По исследованию А. В. Чернова, общее число московских стрельцов накануне Смутного времени составляло 7 600 человек⁴⁷ (т. е. примерно 15 «пятисотенных приказов»).

Если обратиться к текстам повестей о Полоцком взятии («Взятие Полоцка Литовской земли»⁴⁸, «Разрядная повесть о Полоцком походе»⁴⁹), то можно обнаружить все участвующие в осаде московские и сводные приказы: Ивана Голохвастова, Василия Пивова, Ивана Мячкова, Федора Булгакова, Григория Кафтырева, Богдана Болтина, Романа Пивова, Осана Гурьева. Максимальное количество стрельцов в них могло равняться 4000, но никак не 12 000.

Подобная же ошибка допущена некоторыми историками при исчислении стрелецкого войска в Ливонском походе 1579 г. По расчетам В. А. Волкова, в кампании принимали участие «2000 стрельцов и казаков Государева двора и 13 119 городских стрельцов»⁵⁰. «По данным разрядных книг, — пишет М. Ю. Романов, — во время военной кампании 1578–80 гг. среди прочих ратных людей в царском войске находилось 12 тысяч стрельцов и 3119 казаков...»⁵¹. Однако обращение к текстам Разрядной книги 1475–1605 гг. заставляет усомниться в таких вычислениях. Речь в ней идет об общей численности казаков и стрельцов: «Да стрельцов и казаков 3119 человек, и обоих — 15 119 человек»⁵².

В отличие от московских стрельцов, рост городских в 1560–1570-е гг. шел стремительными темпами. На фоне кризиса поместной системы набор в огнестрельную пехоту из городского населения был более чем актуален. Стрелецкие гарнизоны были сосредоточены в более чем тридцати крепостях на протяжении от Юрьева до Казани. Количество огнестрельной пехоты, таким образом, в течение XVI столетия неуклонно росло: с 1000–2000 пищальников при Василии III до 4000–7000 — при Иване IV.

Увеличивалось также со временем и число других людей «по прибору» — пушкарей. Но в походах второй половины XVI в., при самом большом показателе осадных орудий в 150 стволов, количество «служилых людей пушкарского чина» в войсках

---

⁴³ ПСРЛ. СПб., 1911. Т. 22. С. 532.

⁴⁴ Там же. СПб., 1906. Т. 13. С. 358.

⁴⁵ Романов М. Ю. Стрельцы московские. М., 2004. С. 20.

⁴⁶ Кром М. М. Указ. соч. С. 69.

⁴⁷ Чернов А. В. Указ. соч. С. 127.

⁴⁸ Буганов В. И. «Взятие Полоцкое Литовской земли» // Записки ОР ГБЛ. М., 1969. Вып. 31. С. 213–224.

⁴⁹ Анхимюк Ю. В. Разрядная повесть о Полоцком походе // Русский дипломатарий. М., 2004. Вып. 10. С. 161–170.

⁵⁰ Волков В. А. Указ. соч. С. 408.

⁵¹ Романов М. Ю. Указ. соч. С. 17.

⁵² Разрядная книга 1475–1605 гг. М., 1984. Т. III. Ч. I. С. 62.

исчислялось несколькими сотнями — не более 300 человек (т. е. по два пушкаря на орудие)⁵³.

Под термином «казаки» в источниках фигурируют разные категории вооруженных людей. В XVI в. получило распространение такое явление, как «городовое казачество», набиравшееся из «вольных» и «охочих» людей для несения станичной и сторожевой службы. Иногда пешие и конные казацки формирования призывались под знамена в большие походы. В качестве военных казацких отрядов с середины XVI в. действовала донская вольница, временно привлекаемая правительством для ведения боевых действий на территории противника. Так, в Полоцкой кампании в полках по разрядам насчитывалось всего 5000 казаков. По справедливому замечанию А. В. Чернова, «до середины XVI в. служилые казаки не занимали заметного места в составе русского войска»⁵⁴.

Исходя из данных разрядных записей за 1560–1580-е гг. можно предположить, что в «государевых походах» принимало участие до 10 000–15 000 казаков и стрельцов, вооруженных «лучным» и «огнестрельным боем». Завышенная численность пехоты в советской историографии, на наш взгляд, связана с догматическими, идеологическими утверждениями некоторых советских историков. Стремясь принизить роль дворянской поместной конницы, они выводили на первый план стрельцов и посошных людей, которые, как известно, набирались с «тяглых» дворов. Так, А. А. Зимин полагал, что ядром русского постоянного войска с середины XVI в. стали стрельцы: «Хорошо вооруженное стрелецкое войско имело значительное преимущество над дворянской конницей, постепенно уступавшей ему место»⁵⁵.

В состав войска большинство историков включают *посоху*. Выше мы уже отмечали, что невооруженные соединения не могут быть включены в термин «вооруженные силы». Вопрос о посошных людях является принципиальным — именно оценка боевой ценности и численности «посошной рати» влияет на общие показатели размеров войска.

Посошные люди в походах упоминаются одновременно с пищальниками. В 1508 г. «князь великий велел з городов нарядить пищальников и посошных людей да послать... в Дорогобуж»⁵⁶. Об участии посошных людей с пищальниками говорится при описании осады Смоленска в 1512 г.: воины пошли на штурм, «а посоха примет понесли»⁵⁷. В этом случае мы видим, что посошные люди играли в штурме вспомогательную роль, а именно, обеспечивали воинам проход через препятствия. В наказе 1512 г. к угорским воеводам говорилось: «А пищальников и посошных князю Михаилу Ивановичю и Ивану розделить по полком, сколько где пригоже быти на берегу»⁵⁸. Крестьяне помогали возводить укрепления, позиции для стрелков и артиллерии, а также участвовали в дозорной службе.

Отмеченная И. Пахомовым «взаимосвязь пищальников и посошных» прослеживается в связи с «распределением ролей»: первые обслуживали артиллерию, вторые

---

⁵³ ДАИ. СПб., 1848. Т. 1. С. 131–132. № 72.

⁵⁴ Чернов А. В. Указ. соч. С. 30.

⁵⁵ Зимин А. А. Указ. соч. С. 348.

⁵⁶ Разрядная книга 1475–1605. М., 1977. Т. I. Ч. I–II С. 108.

⁵⁷ Псковские летописи. Вып. 2. С. 259

⁵⁸ Разрядная книга 1475–1598 гг. М., 1966. С. 47.

обеспечивали подвоз боеприпасов, расстановку орудий и прочие вспомогательные работы⁵⁹.

С 1520-х гг. тысячи набранных посошных крестьян трудились над постройкой оборонительной черты, возводя засеки по всей приграничной линии. Посошные люди работали также на строительстве крепостей, изготовляли речные суда, прокладывали дороги, гати и просеки для «осадного наряда», тянули артиллерию до места назначения⁶⁰. Во время осады они подготавливали к бою осадные укрепления и штурмовые приспособления.

При описании Полоцкой кампании 1563 г. III Псковская летопись приводит колоссальную цифру: «...посохи было пешей и коневой 80 000 и 9 сот человек, а посошаном в Пскове давали коневиком по 5 рублей, а пешим по 2 рубли...»⁶¹. Наличие в войске большого числа крестьян породило в нарративных источниках фантастические цифры, которые перекечевали и в историческую литературу. Так, М. М. Кром полагает численность русской армии в Полоцком походе в 110 000–120 000 человек, а в отношении посохи отмечает: «Сама точность сообщаемой цифры (80 900, без округления!) и указание на выдачу денег именно в Пскове говорят как будто в пользу достоверности приведенного известия Псковской летописи». Далее автор ссылается на немецкую брошюру, в которой упоминаются 40 000 крестьян и 6000 шанцекопов⁶².

Вообще-то такое колоссальное количество отобилизованных крестьян должно настораживать. Только подъемных денег, как заметил А. И. Филошкин, должно было уйти более 160 000 руб.⁶³ А если мы обратимся к тексту той же Псковской летописи, то увидим, что еще в 1560 г. наблюдались большие проблемы с наймом посохи. Многие люди разбежались, потому что после неудачного штурма Пайды были трудности с обеспечением продовольствием, от этого, говорит III Псковская летопись, Пскову и пригородам «проторей» стало много в посохе. В результате вместо разбежавшихся посошных людей нанимали других: «...посоху наймовав посылали с сохи по 22 человека, а на месяц давали человеку по 3 рубли, а иныя и по пол четверта рубли и с лошадыми и с телегами под наряд...»⁶⁴. Утверждения о том, что к концу 1562 г. смогли набрать 46 000 и, тем более, 80 900 человек, выглядят малоубедительно. Вполне возможно — в этом мы солидарны с В. В. Пенским⁶⁵, — во фразе «80 000 и 9 сот человек», мы имеем дело с опiskой: вместо тысячного значения «и» (8000) поставлено тысячное значение «п» (80 000). Но 8900 человек, с другой стороны, цифра небольшая, если принимать во внимание тот факт, что перевозилось около 150 стволов артиллерии, среди которой были и гигантские 16–20-тигонные орудия «Кашпиорова пушка», «Степанова пушка», «Павлин» и др. В Ливонском походе 1577 г., к примеру, 57 орудий тащили 12 430 посошных. Фраза «а посошаном в Пскове» может свидетельствовать, что летописец имел ввиду посоху, набранную *только* с псковских земель, без учета других уездов.

---

⁵⁹ Пахомов И. Указ. соч. С. 6–9.

⁶⁰ О посошных см.: Носов Н. Е. Очерки истории местного управления. М.: Л., 1957. С. 116–129.

⁶¹ Псковская 3-я летопись // Псковские летописи. Вып. 2. С. 244.

⁶² Кром М. М. Указ. соч. С. 67–82.

⁶³ Филошкин А. И. Причины «Полоцкого взятия глазами современников и потомков // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. 2005. Серия 2: История. Вып. 3. С. 20–29. — Ср.: Пенской В. В. Указ. соч. С. 8

⁶⁴ Псковская 3-я летопись. С. 240–241.

⁶⁵ Ср.: «...можно предположить, что речь идет о простой описке и вместо 80000 и 900 стоит читать 8000 и 900, что выглядит намного более правдоподобно» (Пенской В. В. Указ. соч. С. 8).

На конференции «Балтийский вопрос в конце XV–XVI вв.» в 2007 г. мы, сравнив характеристики орудий и число посошных в 1563 и 1577 гг., выдвинули версию о наличии в Полоцком походе около 30 000–33 000 крестьян⁶⁶. Следует заметить: вышесказанное вовсе не означает, что такое количество посошных вышло из Великих Лук и пришло к Полоцку. 30 000 крестьян были рассредоточены на 170-километровой дороге: они рубили просеки, прокладывали гати, делали мосты. Согласно записям разрядных книг, уже под Полоцком в работах по сооружению осадных сооружений — туров — принимали участие не посошные, а дворяне и дети боярские. Несомненно, это обстоятельство свидетельствует о недостатке саперной силы уже непосредственно под городом⁶⁷.

Можно ли включать посоху как вспомогательное войско в категорию вооруженных сил Русского государства? Какие основания есть у историков считать ее боевой силой? Посошный человек — это прежде всего необученный военному делу крестьянин, набранный с «сохи» для ведения инженерно-саперных работ. Таким образом, перед нами отряды безоружных, не обученных военному делу крестьян. Было бы ошибкой считать их полноценным боевым элементом пехоты. С таким же успехом можно увеличить и силы противников Российского государства, мобилизовавшие для нужд войск массы крестьян. Поэтому мы не видим никакой необходимости включать «посоху» в состав вооруженных сил. Аналоги «посошных» можно встретить и в армиях других стран, соседей России. Однако никто не считал их за какую-либо ценную боевую силу.

Так, в письме датских послов к королю Христиану III из Риги (10 января 1559 г.) говорилось, что «у ливонцев пехоты более 4000, не считая крестьян, а конницы 2500»⁶⁸. В ноябре того же года те же послы докладывали: коадьютор магистра осадил Дерпт с «3000 конницы, 4000 пехоты и 25 000 крестьян»⁶⁹.

В реестрах вооруженных сил ВКЛ и Короны, как отмечено выше, вспомогательные силы («обозная челядь» и др.) не учитывались. Но русские разряды в некоторых случаях имеют отличительную особенность расписывать численность посохи (с 1577 года). Это обстоятельство и послужило поводом для заочного зачисления посошных людей в пехотные боевые части.

О ЧИСЛЕННОСТИ ВОЙСК В ПОХОДАХ И СРАЖЕНИЯХ

Достаточно часто в литературе можно встретить количественные измерения, основанные на выделении каких-то общих условных показателей и дополненные простыми логическими построениями. Например, английский историк Дж. Кип предлагает делить

---

⁶⁶ Лобин А. Н. Русская артиллерия в Полоцком походе 1563 г. // Балтийский вопрос в конце XV–XVI вв. / Отв. ред. А. И. Филюшкин. М., 2009. С. 121–140.

⁶⁷ «И приказал государь царь и великий князь скозати князем и дворяном, и детем боярским в своем полку и во всех полках по своему царьскому приговору, шток у них у всех готовы были туры, на десять человек тура» (Анхимюк Ю. В. Указ. соч. С. 164). Ср.: «Того ж дни, февраля в 3 день, царь и великий князь у города у Полотцка велел туры ставити. А дети боярские головы з боярскими людьми все были у тур» (Книга Полоцкого похода 1563 г. С. 62).

⁶⁸ Щербачев Ю. Н. Копенгагенские акты, относящиеся к русской истории. М., 1915. Вып. 1. 1326–1569. С. 78–85. № 44.

⁶⁹ Там же. С. 95. № 52.

численность, указанную иностранцами, на «активную армию» и «вспомогательную». По мнению историка, если исходить из численности населения в 9–10 млн чел., то активная армия составит 2% от численности населения, а «теоретический максимум» вооруженных сил — 5,5%⁷⁰.

Конечно, от количества населения страны зависит не только степень ее экономического развития, но и численность вооруженных сил. Но, на наш взгляд, прямое соотношение численности вооруженных сил с количеством населения не совсем приемлемо, так как мобилизация в Средние века происходила по иному принципу, чем в Новое время. Подобная модель вычислений более подходит для XVIII–XIX в., чем для XVI столетия. К тому же вопрос о демографической ситуации в России XVI в. является дискуссионным, и здесь мы также видим значительный разброс оценок⁷¹.

Обратную зависимость количества вооруженных сил и населения выводит С. М. Каштанов. Исходя из армии в 40 000, он предложил формулу: $40\,000 \times 10$ (количество дворов) $\times 5$ (среднее число жителей двора) = 2 000 000 (численность населения страны). В последующих корректировках подсчетов С. М. Каштанов увеличил численность населения до 3 000 000. К сожалению, подобная методика имеет слишком много допущений.

В. В. Пенской попытался представить те рамки, в которые могли укладываться мобилизационные возможности государства в начале 30-х годов XVI в. По его расчетам, в «рамки» укладывается 60 000–75 000 человек поместной милиции. Но построения В. В. Пенского очень уязвимы. Во-первых, автор почему-то исходит из предположения Ю. Г. Алексеева (один всадник выставлялся с 10 крестьянских дворов), сделанного... для Шелонской битвы 1471 г. В это время поместная система еще проходит этапы своего становления. В XVI в. всадник выставлялся не со дворов, а с земельных наделов (юридически закреплено позже в Уложении о службе 1556 г.). Во-вторых, для дальнейших расчетов принято предположение, что помещик выступал в поход, имея с собой как минимум одного послужильца и одного вооруженного «кошового». Далее В. В. Пенской умножает количество помещиков на число слуг и резюмирует: «Всего поместная милиция насчитывала по оптимистическим оценкам не более 60–75 тыс. человек»⁷².

Предложенная методика подсчета не выдерживает критики. В конечном итоге получается, что с десяти дворов выставлялся не один, а три всадника! Мы не можем согласиться с таким утверждением, основанном на явном недоразумении. Цифра 60 000–75 000 человек поместной милиции — совершенно неподъемная для земельных наделов в 1530-е годы.

Оригинальную методику подсчета предложил М. М. Кром: он решил сопоставить нарративные данные с числом воевод. Справедливо полагая, что «численный состав полков и количество ратников в расчете на одного воеводу — величины переменные», М. М. Кром попытался найти «некоторые достоверные пределы, в которых эти колебания происходили». В результате был выведен «коэффициент» соотношения воена-

---

⁷⁰ Keep J. *Soldiers of the Tsar: Army and Society in Russia 1462–1874*. Oxford, 1985. P. 87–88.

⁷¹ Милоков П. Н. *Очерки по истории русской культуры*. СПб, 1896. Ч. I. С. 26–27; *Копанев А. И.* *Население Русского государства в XVI в.* // *ИЗ. М.*, 1959. Т. 64. С. 233–254; *Каштанов С. М.* 1) *К вопросу о численности русского войска...* С. 112–115; 2) *Zu einigen Besonderheiten...* S. 321–346; *Горская Н. А.* *Историческая демография России эпохи феодализма: (Итоги и проблемы изучения)*. М., 1994; и др.

⁷² *Пенской В. В.* *Указ. соч.* С. 12.

чальников и воинов: «В первой трети XVI в. эта величина не превышала 3,5 тыс., а во второй составляла 4–5 тыс.» ратников на одного воеводу⁷³.

Но методика, предложенная историком, не менее уязвима. Здесь мы видим несколько искусственную конструкцию, построенную в какой-то степени на апологии сведений нарративных источников. Главная проблема в том, что исследователь берет за основу *заведомо завышенные оценки*. Фактически М. М. Кром ставит на один уровень достоверные (разряды) и недостоверные (нарратив) источники, сопоставляет их и определяет коэффициент соотношения воинов и воевод для расчета численности русского войска.

Механическое соотношение численности из повествовательных источников со списком воевод является результатом прямого отказа от критических методов исследования и недостаточного комплексного изучения источниковой базы. Совершенно не оспаривая тезис М. М. Крома о зависимости численности войска от количества воевод, заметим, что в целом методика количественного измерения, предложенная историком, вызывает массу вопросов, ибо не учитывает целого ряда важных и показательных факторов, которые мы и постараемся рассмотреть в данной работе.

К примеру, М. М. Кром не ставит вопрос — как его выводы соотносятся с размерами крестьянских хозяйств, численностью населения, мобилизационными возможностями государства и другими показателями? Не совсем ясны критерии, используемые при выборе сведений из повествовательных источников. К тому же в работе не учитывается необходимость изучения изменений в структуре вооруженных сил. Почему в итоге получается, что размеры армий, действовавших на театре боевых действий в XVI в., в разы больше, чем, скажем, в середине XVII века?

На наш взгляд, для количественного измерения во главу угла должен быть поставлен анализ всех документальных данных. Определив разрядные росписи как наиболее достоверный источник, наше исследование мы будем строить исключительно на их основе. Повествовательные сведения, при всех попытках М. М. Крома выделить из них какие-либо достоверные данные, могут являться *только* вспомогательным, но никак не основным материалом.

К сожалению, оценка размеров войск Ивана III и Василия III вызывает большие трудности, связанные с крайне скудной источниковой базой. В частности, очень много вопросов возникает при исследовании размера рати в битве под Оршей в 1514 г. В дискуссии о численности русских ратей она занимает особое место — кроме информации из нарративных источников, не существует никаких точных данных о численности русских войск. Некоторые историки, к примеру В. А. Волков, не сомневаются в достоверности приводимой в польско-литовских источниках цифры в 80 000 человек⁷⁴. Польский историк Т. Бохун справедливо заметил, что «легкомыслием было бы принять данные пропаганды Сигизмунда, которая оценивала армию Челяднина в 80 тыс. человек»⁷⁵. Однако вопрос о численности русского войска он оставляет открытым. В связи с вышеизложенным, остановим особое внимание на Оршанском сражении 1514 г., которое еще современники называли «Великой битвой».

Совершенно оригинальными являются вычисления М. М. Крома. Справедливо указывая, что «настойчиво повторяемая» в польско-литовских источниках цифра

---

⁷³ Кром М. М. О численности русского войска... С. 69, 78.

⁷⁴ Волков В. А. Указ. соч. С. 57.

⁷⁵ Bohun T. Bitwa pod Orsza 08.09.1514 // Rzeczpospolita. 2006. № 4/20. S. 13.

«80 000» была призвана подчеркнуть доблесть победителей и являлась одним из элементов развернутой при ягеллонском дворе шумной пропагандистской кампании, исследователь в то же время делает такую ремарку: «От этих намеренных искажений следует отличать неизбежные погрешности визуальных оценок наблюдателей, в среднем не превышавшие 10 тыс.». То есть, по логике исследователя, под Оршей было не 80 000, а ... 70 000?

Во-первых, исследователь забывает, что мы имеем дело не с визуальными, а с пропагандистскими «оценками». Во-вторых, автор уходит от разъяснения важного вопроса: как такая огромная орда, отягощенная обозом, провиантом и запасными лошадьми, могла вообще передвигаться по малонаселенной территории с неразвитой инфраструктурой, по пересеченной местности, изобилующей лесными чащобами; как она вообще могла уместиться на Кропивенском поле? И, в-третьих, как численность «конных бучных войск московских» соотносится с размерами поместного землевладения Российского государства?

Впервые цифра «80 000» фигурировала в польско-литовских хрониках для иллюстрации громадности армии Василия Ивановича, отправленной под Смоленск в апреле 1514 г.⁷⁶. Но подсчитать численность войска, осаждавшего город, практически невозможно. Ясно только одно: армия 1514 г. существенно отличалась от армии 1563 г. в меньшую сторону. Что касается отдельных соединений, то, согласно польским же донесениям, в апреле 1514 г. передовой полк государевой рати, пришедший под Смоленск, под командованием М. Глинского насчитывал всего 1000 всадников (*Venit nuber dux Michael cum M. equitibus ad eos, qui castrum Smolensko obsident...*)⁷⁷. Это, пожалуй, одно из немногих иностранных свидетельств, в котором силы противника не преувеличены⁷⁸. Разрядная книга 1475–1605 гг. уточняет командный состав войскового соединения на тот момент: «В передовом полку бояре князь Михайло Львович Глинский да князь Михайло Васильевич Кислой Горбатой, да Ондрей Васильевич Сабуров»⁷⁹. Для сравнения: в 1563 г. в передовом полку было 1900 детей боярских, 940 служилых татар и 1046 казаков.

Характерно, что «орду московитов» той же численности («80 000») мы встречаем при описании битвы под Оршей в сентябре 1514 г. Впервые она озвучена в «эпистоле» Сигизмунда Старого (18 сентября 1514 г.) папе Льву X (*ex octoginta milibus hominum*)⁸⁰.

Данная цифра стараниями канцелярии Сигизмунда разошлась по всей Европе. Уполномоченные короля рассказывали европейским правителям о полном разгроме «орд московитов», из самой польской Короны иностранные послы писали своим государям о «Великой победе»⁸¹. Поэтому уже в первых сведениях о разбитой русской армии была изрядная доля пропаганды: Европе внушалась мысль о сильной армии короля, сумев-

---

⁷⁶ Decius I. L. De vetustatibus Polonorum liber I. De Jagellonum familia liber II. De Sigismundi regis temporibus liber III. Cracoviae, 1521. P. LXXXVIII.

⁷⁷ Petrus Tomiczki, Eps.Premislientis, Christophoro de Schidlowyecz, Castel. Sandom // AT. Poznań, 1853. Т. III. 1514–1515. № LXXXI. P. 71.

⁷⁸ Согласно письму Сигизмунда венгерскому королю, великий князь громил Смоленск с помощью «ста сорока бомбард» («centum quadraginta bombardas lapides projicirntes habuisse compertus est»). Sigismundus, Rex — Vladislao, Regi Hungarie etc. // AT. Т. II. № CCXVIII. P. 183.

⁷⁹ Разрядная книга 1475–1605 гг. М., 1977. Т. I. Ч. I. С. 142.

⁸⁰ Sigismundus, Rex — Leoni, Pape X // AT. Т. III. № CCXXXII. P. 181–183.

⁸¹ Хорошкевич А. Л. Русское государство в системе международных отношений конца XV – начала XVI вв. М., 1980. С. 126.

шей разбить тьму схизматиков. В дальнейшем «80 000» перекочевали во все польско-литовские хроники⁸² и летучие листки⁸³.

Разрядная книга 1475–1605 гг. описывает состав армии под командованием М. Булгакова-Голицы в 1514 г. в четыре полка: большой, передовой, правой руки, левой руки⁸⁴. Но нарративные источники сообщают также об Иване Челяднине как человеке, осуществлявшем общее руководство полками. К слову сказать, даже в иностранных источниках нет единого мнения относительно главнокомандующего войском. «Jan Zeladin», как главнокомандующий армией «москвитов», потерпевший поражение 8 сентября 1514 г. под Оршей (*bey Orsa*), фигурирует и в имперской дипломатической, и частной переписке⁸⁵.

Однако в ряде источников также можно встретить имя М. Булгакова-Голицы (*Michael Holitza*), где он также представлен главным воеводой⁸⁶. И, в довершение всего, имени боярина Ивана Челяднина нет в разряде 7022/7023 года. Впрочем, аналогичную ситуацию мы наблюдаем не только в отношении Челяднина. Реестры пленных («взвней») перечисляют еще несколько русских воевод «Великой битвы», имена которых отсутствуют в разрядах.

Как можно объяснить, почему в пространной редакции разрядной книги упомянуты не все воеводы, а только часть? М. М. Кром, указывая на дефект разряда 7022 г., предлагает взять за основу разряд 7002 г. (который, по его мнению, был ошибочно записан не под той датой). Историк делает вывод, что:

...следует предпочесть разряд, по ошибке помещенный под 7002 г.: там фигурируют 12 воевод (не считая 5 «воевод с людьми», т. е. голов, командовавших детьми боярскими) во главе с князем М. И. Булгаковым и И. А. Челядниным⁸⁷.

М. М. Кром, по нашему мнению, допустил серьезную ошибку. В списке воевод 7002 г. действительно указаны главнокомандующие, которые были под Оршей (в «большом полку быти боярину князю Михайлу Ивановичю Булгакову да конюшему Ивану Андреевичю»), но нет имен убитых военачальников (например, воеводы передового полка Ивана Темка-Ростовского) или попавших в плен (Д. В. Китаев-Новосельцев, И. Семейка Ярославский и др.). Кроме этого, назван еще ряд воевод, которые никак не могли принимать участие в битве (М. Воротынский, И. Белевский, Т. Тростенский и др.). Если мы сравним разрядные записи 7002 и 7022 гг. между собой, то будет нетрудно заметить: ошибочно датированная роспись «7002 года» почти полностью совпадает с разрядом 7020 (1511/1512) г., когда русские войска стояли на Угре «по татарским вестям». Следовательно, она не имеет никакого отношения к битве 7023 (1514) года⁸⁸.

Как же можно рассчитать численность русской армии в изучаемую эпоху? На наш взгляд, необходимо прежде всего учитывать количество воевод и служилых корпора-

⁸² *Decius I. L.* Op. cit. P. XC; *Strykowski M.* Kronika Polska, Litewska, Żmódzka i wszystkiej Rusi. Warszawa, 1846. T. 2. S. 369; *Bielski M.* Kronika wszystkiego świata. Kraków, 1564. K. 411–413; *Летопись Рачинского* // ПСРЛ. М., 1980. Т. 35. С. 168; *Еврейновская летопись* // Там же. С. 234 и след.

⁸³ Например: *Die Schlacht von dem Kunig von Poln und mit dem Moscowiter, S. I. [1514]; Warhafftiger anfang und underricht der schlacht, so der König zu Poln <...> mit dem Herzogen zu Moscovia <...> gehabt. S. I. [1514].*

⁸⁴ Разрядная книга 1475–1605 гг. М., 1977. Т. I. Ч. I. С. 142.

⁸⁵ См., например: *Fontes Rerum Austriacarum. Österreichische Geschichts-Quellen.* Wein, 1855. Bd I. S. 113.

⁸⁶ *Epistola Pisonis, Legati Apostolici, ad Joannem Coritium, de Victoria Regis ex Moscis* // AT. Т. III. № CCXLVI. P. 204.

⁸⁷ *Кром М. М.* Указ. соч. С. 70.

⁸⁸ Разрядная книга 1475–1598 гг. М., 1966. С. 46–47.

ций. Например, определим численность командного состава русской армии в битве под Оршей. Командиры войска под началом М. Булгакова-Голицы указаны в разрядах: *передовой полк*: кн. И. Темка-Ростовский, Н. В. Оболенский; *большой полк*: М. И. и Д. И. Булгаковы; *полк правой руки*: А. И. Булгаков; *полк левой руки*: А. Оболенский.

Вероятно, костяк группировки М. Булгакова на Днепре состоял из великолуцкой армии В. В. Шуйского, посланной из Великих Лук к Орше 7 июня⁸⁹. Великолуцкая армия не являлась крупным войсковым соединением. Об этом говорит характер назначений на командные посты. В условиях господства местничества было невозможно, чтобы многочисленные полки возглавили незнатные головы и дворяне. Так, в полк левой руки в качестве товарища И. С. Кольчева приказано вообще послать «сына боярского, кого будет пригоже». Это обстоятельство неопровержимо свидетельствует о том, что численность данного соединения была невеликой.

В Смоленске произошли перемены как в командовании, так и в составе сил. Оказался расформирован сторожевой полк, произошли некоторые кадровые назначения и отставки. Из прежних командиров только боевой воевода Иван Темка-Ростовский остался командовать передовым полком. С нового, 7023 г., командующий великолуцкой ратью оставлен в Смоленске: «...а во граде оставил в Смоленске боярина своего и наместника князя Василя Васильевича Шуйского и воевод своих многих со многими людьми» (*выделено нами. — А. Л.*). Немногочисленную новгородско-псковскую рать возглавил получивший новое назначение М. Булгаков-Голица.

В отличие от войска М. Булгакова-Голицы, определить командный состав группировки И. Челяднина сложнее. В «реестрах вязней» названы имена воевод, не упомянутых в войске Булгакова-Голицы, среди которых кн. И. С. Семейка Ярославский, Д. В. Китаев-Новосельцев, И. Пупок Кольчев, князья И. Д. Пронский, Борис и Петр Ромодановские, И. С. Селеховский, Борис и Иван Стародубские, Петр Путятич с сыном, К. Д. Засекин. С самим И. Челядниным — это 13 воевод⁹⁰, а вместе с войском М. Булгакова-Голицы — *всею девятнадцатью*.

Все польско-литовские хроники XVI в. говорят о том, что у русских под Оршей сражалась только поместная конница, «обремененная доспехами». Ни пехоты, ни артиллерии не было⁹¹.

Выявить примерный список служилых городов, участвующих в битве, мы сможем, если сопоставим списки пленных 1514–1530-х гг. В некоторых «реестрах русских вязней» первой половины XVI в. упоминаются представители 15 служилых корпораций, захваченные в «Великой битве». Кроме московских детей боярских «Государева двора», упоминаются представители Новгорода, Пскова, Великих Лук, Костромы, Муромы, Боровска, Твери, Волока, Рославля, Вязьмы, Переславля и Коломны⁹². По другим

---

⁸⁹ «...июня в 7 день послал князь великий на Луки Василья Сергеева сына Левашова. А велел с Лук Великих итти воеводам на литовскую землю к Орше по полком...» (Там же. С. 175–176.

⁹⁰ Реестр и имена всех вязней московских, где которыхы, в котормъ замьку седять по Великому Кн(я)звству Литовскому (1519) // Lietuvos Metrika=Lithuanian Metrica=Литовская Метрика. Кн. 11 (1518–1523): Įrašų knyga 11. Vilnius, 1997. С. 87–92. № 74.

⁹¹ Bielski M. Kronika Polska. Sanok, 1856. Т. 2 (ks. IV, V). S. 975. Летописи отмечают под Оршей «конные и бучные войска московские» (ПСРЛ. Т. 35. С. 104–105, 168).

⁹² Антонов А. В., Кром М. М. Списки русских пленных в Литве первой половины XVI века // АРИ. М., 2002. Вып. 7. С. 149–196; РИБ. СПб., 1903. Т. 20. Кн. 1. С. 519; Реестр и имена всех вязней московских... С. 87–92.

реестрам можно выявить имена городских дворян и детей боярских из Стародуба и Ярославля, вышедших вместе со стародубскими и ярославскими князьями. Некоторую информацию содержат и родословные книги XVI в., иногда фиксировавшие факты смерти дворян в битве⁹³.

Мы не видим причин искусственно расширять размеры поместного войска, приписывать другие корпорации, об участии которых нет совершенно никаких сведений. При полном разгроме всех полков на Кропивенском поле 8 сентября 1514 г., пленении почти всех главных воевод какие-либо представители крупных служилых городов вряд ли могли избежать участи «взяня».

Итак, мы можем со значительной долей уверенности определить общий размер русского войска как *15 территориальных отрядов* поместной конницы. Имело ли место объединение ратей в одну армию, или же на поле боя воеводы действовали самостоятельно?

Диспозиция, нарисованная в польских источниках, напоминает единую рать, разделенную традиционно на несколько полков (передовой, большой полки и «крылья»)⁹⁴. Факт гибели воеводы передового полка кн. И. Темки-Ростовского от пушечного ядра, зафиксированный в летописях⁹⁵, свидетельствует о нахождении того в передовом полку у И. Челяднина, напротив поставленных неприятелем орудий, а не у М. Булгакова на правом фланге, как было бы в случае, если группировки действовали обособленно (кн. Темка-Ростовский изначально был в подчинении М. Булгакова). Следовательно, имело место объединение отрядов в одну армию.

Свидетельства о соединении отрядов можно найти и в разрядах. Правда, относятся они к ситуации, произошедшей через двадцать лет после битвы под Оршей 1514 г. В наказе воеводе М. В. Горбатову «с товарищы» в феврале 1535 г., привезенном в Можайск дьяком А. Ф. Курицыным, говорилось:

Нечто почаяют дела, и ноугородским воеводам и людем быти с ними вместе, большому полку быти з большим полком, передовому полку быти с передовым полком, правой руке воеводам быти с правой рукою, левой с левою, сторожевому полку с сторожевым полком, а царевичам и Канбар мурзину сыну и городецким татаром быти у передового полку на праве⁹⁶.

Видимо, по такому же принципу происходило объединение полков и в 1514 г. В этом случае воеводы должны поменяться местами согласно своему статусу. Факт смещения с поста воеводы большого полка на менее почетную должность М. Булгакова-Голицы подтверждается известием С. Сарницкого и С. Гурского. Они называют командиром полка правой руки «Михайло Голицу».⁹⁷ Тем самым становятся понятны причины соперничества между двумя воеводами.

---

⁹³ В родословных книгах обычно ставилась лаконичная помета «убит под Оршей». По замечанию М. Е. Бычковой, показания летописей и родословцев в описании боя под Оршей «существенно отличаются» (Бычкова М. Е. Родословные книги XVI–XVII вв. как исторический источник. М., 1975. С. 167).

⁹⁴ Wypisy Źródłowe zeszyt do Historii Polskiej Sztuki Wojennej. Warszawa, 1958. № IV. S. 140–144.

⁹⁵ «...и убиша ис пушки в передовом полку воеводу князя Ивана Ивановича Темку Ростовского» (ПСРЛ. СПб., 1859. Т. 8. С. 258).

⁹⁶ Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. I. С. 250.

⁹⁷ Anno domini millesimo quingentesimo quartodecimo // АТ. Т. III. Р. 4–6. № I; Wypisy Źródłowe zeszyt do Historii Polskiej Sztuki Wojennej. S. 141.

В 1510 г. Булгаков и Челяднин пожалованы в бояре⁹⁸. В 1511/12 гг. они вместе были на Угре в большом полку. Согласно разрядам «в большом полку быти боярину князю Михайлу Ивановичю Булгакову да конюшему Ивану Андреевичю»⁹⁹. Челяднин указан вторым, т. е. «товарищем» Булгакова. В сентябре 1514 г., после объединения ратей, наоборот, Булгаков должен быть «товарищем» Челяднина, чего ему, конечно же, не хотелось. Став воеводой второго по значимости полка правой руки, он мог действовать независимо от главного командующего, хотя формально должен был ему подчиняться.

Выше всех по статусу стоял боярин Г. Ф. Давыдов-Челяднин. Летописи упоминают Григория Федоровича накануне битвы, когда проходило объединение отрядов¹⁰⁰. Но ни один источник прямо не говорит об участии этого именитого воеводы в сражении. Либо он накануне битвы отъехал (а приезжал он, следовательно, для наведения порядка на воеводских «местах», подобно А. Ф. Курицыну в 1535 г.), либо же официальные летописи сознательно не упоминают имени знатного боярина в неудачном сражении.

За исключением дворян «государева двора», силы «новгородской и псковской», остальные служилые города — по аналогии с Полоцким походом 1563 г. — могли выставить от 90 (Волок) до 860 (Боровск) конных воинов, если считать по самым максимальным показателям. Это всего около 3600 человек. Следует еще подчеркнуть, что за основу расчетов мы берем данные 1563 г. — наивысший показатель участия поместных в походе. За пятьдесят лет до этого, в годы формирования поместной служилой системы, эта цифра выставленных в полковую службу городских помещиков должна быть меньшей. Количество служилых татар в 1510-е гг., когда Поволжье и Сибирь не входили в состав России, не могло измеряться тысячами. Судя по всему, мещерские татары Сивиндук-мурзы Мадыхова были представлены в войске несколькими сотнями (не более 400–500 человек)¹⁰¹.

Основу войска составляли новгородско-псковские дворяне и дети боярские¹⁰². С новгородским служилым поместьем складывалась интересная ситуация: к концу XV – началу XVI в. размеры конфискованных вотчин были обширны, а контингент дворян, претендовавших на поместье, ограничен. По подсчетам К. В. Базилевича, из 1310 человек, получивших поместья в новгородских пятинах, около 280 человек принадлежали к послужильцам¹⁰³. Можно сделать осторожное предположение о том, что новгородцы были представлены в Оршанской битве не более чем 3000 человек¹⁰⁴.

---

⁹⁸ Кашировский Е. И. Борьба Василия III Ивановича с Сигизмундом I из-за обладания Смоленском (1507–1522) // Сборник историко-филологического общества при институте кн. Безбородко. Нежин, 1899. Вып. II. С. 244.

⁹⁹ Василий Иванович писал указы «к угорским воеводам князю Михайлу Ивановичю Булгакову да Ивану Андреевичю» (Разрядная книга 1475–1598 гг. С. 45, 46).

¹⁰⁰ ПСРЛ. СПб., 1853. Т. 6. С. 256; Т. 13. С. 21–22.

¹⁰¹ В списке пленных фигурируют 6 татар знатного происхождения: «кн(я)зя Мадыховъ сын Сивиндукъ мурза, Акишь Отмакишов сын, Бузакъ Шыиковъ сын, Бахъмать Абъдуловъ сын, Яковъ Иванов сын, Чура Тулушыковъ сын» (Рейстр и имена всех вязъней московских... С. 87–88. № 74).

¹⁰² ПЛ. Вып. 2. С. 260.

¹⁰³ Базилевич К. В. Новгородские помещики из послужильцев в конце XV в. // Изв. М., 1945. Т. 14. С. 69. — По словам Р. Г. Скрынникова, «правительство вынуждено было наделить более сотни боевых холопов из состава распущенных боярских свит» (Скрынников Р. Г. Великий государь Иоанн Васильевич Грозный. Смоленск, 1998. С. 82).

¹⁰⁴ Спустя полвека, в Полоцком походе 1563 г. с пяти пятин было выставлено до 3000 новгородцев.

Существует ряд свидетельств, обращение к которым требует уменьшить численность русских войск в сражении. Так, Новгородская летопись по списку П. П. Дубровского отмечает: «Занеже не надеялися наши бою и того ради *росполошались, а сила не нарядна была, а инии в отъезде были, а литва пришла изнарядяся на них* (выделено нами. — А. Л.)»¹⁰⁵. Рассредоточение отрядов на литовской территории отмечает и Софийская II летопись: «Воеводы же великого князя *поосталися беречи тех людей, которые были на Дрюцких полях, и в Борисове, и в Менску с великими людми, у Днепра реки* (выделено нами. — А. Л.)»¹⁰⁶. Ряд обстоятельств, указанных также в польско-литовских источниках, а именно сражения с небольшими отрядами «москвитов», не успевшими соединиться с главными силами за Днепром, кажется, подтверждают эти известия русских летописей¹⁰⁷.

Проведя аналогии с разрядами 1514 г. и Полоцкого похода 1563 г., можно сделать следующее предположение о максимальном размере конного войска: 400–500 татар, около 200 детей боярских «государева двора»¹⁰⁸, 3000 новгородцев и псковичей, 3600 представителей других служилых городов; всего около 7200 всадников. С боевыми холопами мы выходим на максимальную численность в 13 000–15 000 человек. Но, определяя окончательный итог расчетов, следует принимать во внимание многочисленные «отъезды» помещиков, отмеченные в разных летописях, а также и то обстоятельство, что из-под Смоленска в дальний поход «на пустошение Литвы» служилые корпорации выходили не в полном составе (служилые люди отбирались по принципу лучшей «конности, людности и оружности»). По указанным причинам максимальный «рубеж» численности может снижаться до 12000.

Сходная ситуация наблюдается и с противоположной стороны. Не следует доверять польско-литовским сведениям об армии короля в 33 000–35 000 человек¹⁰⁹. Сознательно увеличивая число своих воинов, канцелярия Сигизмунда I решала хитроумную пропагандистскую задачу: показать всем правителям (в том числе и потенциальным врагам — тевтонскому магистру, например) грандиозность сражения, продемонстрировать сильную объединенную армию, сплоченную общими интересами и ненавистью к «схизматикам-москвитам». В хрониках можно встретить следующие цифры: 35 000, 30 000, 25 000, 17 000, 16 000¹¹⁰.

---

¹⁰⁵ Новгородская летопись по списку П. П. Дубровского // ПСРЛ. М., 2004. Т. 43. С. 215.

¹⁰⁶ ПСРЛ. Т. 6. С. 256.

¹⁰⁷ В первом сражении 28 августа 1514 г. «Иоанн Пилецкий, староста люблинский, рассеял 1300 всадников-москвитов; первого сентября в другом отдельном сражении королевские [войска] разгромили 2000 москвитов и Киселича; одного из первых военачальников, со знатными пленниками позаботились доставить к королю» (Anno domini millesimo quingentesimo quartodecimo... Р. 4. № I). По И. Децию и М. Стрыйковскому, 27 августа (по М. Бельскому — 28-го) на Бобре реке были атакованы несколько московских полков, а затем на Дровне литовская рота под командованием воеводы витебского Ивана Сапеги «три полка московских поразила», после чего несколько знатных пленников были отосланы королю (Strykowski M. Kronika Polska, Litewska, Żmódzka... S. 379–380; Bielski M. Kronika wszystkiego świata. К. 412).

¹⁰⁸ Вместе с Василием III в походе на Смоленск в 1514 г. шли «братья ево князь Юрьи да князь Семен Ивановичи да бояр и детей боярских дворовых 220 человек» (Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. I. Ч. I. С. 138). Судя по спискам пленных, часть «двора» великого князя принимала участие в роковой битве.

¹⁰⁹ Wojciechowski Z. Zygmunt Stary (1506–1548). Warszawa, 1946. S. 50–51; Zapyś dziejów wojskowości Polskiej do roku 1864. Warszawa, 1965. Т. I: Do roku 1648. S. 331; Zygulski Z. Bitwa pod Orsza. Struktura obrazu // Rocznik Historii Sztuki. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdansk, 1981. № XII. S. 85–132; Drózdź P. Orsza 1514. Warszawa, 2000. S. 191.

¹¹⁰ Герберштейн С. Записки о Московии / Пер. А. В. Назаренко. М., 1988. С. 70; Die Schlacht von dem Künig von Poln und mit dem Moscoviter. o. O., 1514. S. I; Decius I. L. De vetustatibus Polonorum... P. XC; Wypisy Źródlowe zeszyt do Historii... S. 140–144; ПСРЛ. Т. 35. С. 105.

По нашим вычислениям, в польско-литовской армии было не более 14 000–16 000 воинов¹¹¹. При короле в Борисове, по ряду свидетельств, осталось 4000 воинов (очевидно, «почты» панов рады)¹¹².

Следовательно, под Оршей сражались более-менее равные силы. Важно заметить, что поведение русских перед битвой служит еще одним аргументом в пользу нашей версии. При якобы трех-пятикратном преимуществе (если верить в цифру в 80 000!), воеводы не принимают сражение на «дрюцких полях», а отходят к переправе. Как пишет Волынский краткий летописец, которого никак нельзя упрекнуть в сочувствии русским, они «...в тоже время будучим на Дрюцких полях и вслышавши силу литовскую, оттоля отступиша за Днепр реку великую»¹¹³. Поэтому можно утверждать, что победа в Оршанской битве была одержана не благодаря численному превосходству, а досталась лучше вооруженной и тактически подготовленной стороне¹¹⁴.

Таким образом, при определении численности войска XVI в., на наш взгляд, надо придерживаться следующей методики. При определении численности полевого войска необходимо учитывать войсковую структуру, а также цели и задачи описанного в разрядах наступления. Важно выделить в источниках вид войскового объединения: это осадная армия, направляемая на занятие укрепленных пунктов и включающая в себя большое количество тяжелых орудий, пехотных соединений и посохи; или это полевая рать, предназначенная для уничтожения вооруженных сил противника; или же легкий мобильный конный корпус из дворян, детей боярских и татар, в задачи которого входило опустошение территории противника в целях нанесения значительного экономического ущерба.

К примеру, если в 1535 г. в походе на Литву участвовала рать, возглавляемая двадцатью четырьмя воеводами, в 1562/63 г. — двадцатью двумя, то мы не можем ставить знак равенства между численностью этих двух армий. В первом случае говорится о походе конного мобильного войска, имеющего цель опустошить территорию противника, во втором — о «государевом походе» (т. е. походе с участием самого царя) осадной армии с пехотой и тяжелой артиллерией. Не стоит лишний раз объяснять, что разница в численности между такими войсковыми группировками существенная.

В качестве подтверждения «тьмочисленности» русского войска М. М. Кром приводит показания плененного участника зимнего похода 1535 г., луцкого помещика Василия Хрущова. На вопрос о численности русской армии он ответил:

...войско московское велико — нам, молодым людям, ведати о нем нельзя; которое войско новгородское и псковское — то ведаем, колько его есть: потом, яко войско мос-

---

¹¹¹ В настоящий момент нами проделана работа по изучению польско-литовской армии в Оршинской битве. В скором времени, надеемся, эти результаты будут опубликованы. Согласно нашим подсчетам, польские войска (наемники и «охочие») составляли больше половины армии: наемники гетмана Я. Сверчовского (первый отряд 2063 «коня» и 2000 пехоты; второй отряд 1600 «коня» и 1000 пехоты), хоругви панов из Великой и Малой Польши: Кмитов, Тесчинских, Тарновских, Зборовских, Острогогов, Чарнковских, Зарембовских и др. (всего 13 хоругвей) под командованием Я. Тарновского; придворная хоругвь В. Самполинского (около 200 коней). Литовские войска: магнатские почты (К. Острожского, Ю. Радзивилла и др.) и посполитое рушение (не менее 9 поветовых хоругвей, а также «сила жемойская»). Всего около 9000 поляков и 7000 литовцев.

¹¹² Anno domini millesimo quingentesimo quartodecimo. ... P. 6; Epistola Pisonis ad Joannem Coritium de conflictu Polonorum et Litanorum cum Moscoviticis. o. O., 1514. S. 1. — Письмо Пизона от 26 сентября 1514 г. хранится в собрании Томицианских бумаг (Epistola Pisonis ad Joannem Coritium... № CCXLVI. P. 202–207.

¹¹³ ПСРЛ.Т.35. С.125. — Хотя традиционно летописец и пишет о «многой силе».

¹¹⁴ В отличие от русского войска, в рядах королевской армии были гусары, тяжелые копейщики (gravioris armaturae), артиллерия, павезьеры и аркебузьеры.

ковское было зиме в земли литовской, в тот час того войска новгородского и псковского было с князем Борисом Горбатым пятьдесят тысяч, а которое войско великое московское было... того деи есми не видал, бо есми в том войску не был: был есми при князи Борисе в том войску новгородском¹¹⁵.

М. М. Кром считает эти показания заслуживающими доверия. Однако фраза «войско московское велико... ведати о нем нельзя» недвусмысленно намекает на сравнение с меньшей новгородско-псковской группировкой, численность которой якобы известна точно — «пятьдесят тысяч». Слова Хрущова удивительным образом напоминают бахвальские речи русских послов: вначале говорится о трудности или невозможности сосчитать рати по причине их многочисленности («сила многая и несчетная»), а затем перечисляются те «многие тысячи» вооруженных сил, о которых будто бы что-то известно. Тем самым собеседнику (в данном случае — допрашивающему) как бы недвусмысленно предлагается самому оценить силы неприятеля, отталкиваясь от «небольшой» рати в «пятьдесят тысяч».

М. М. Кром даже не ставит вопроса о проверке сведений пленного, о соотношении его показаний с мобилизационными возможностями новгородско-псковских земель. Размер служилого землевладения не позволял выставлять с Новгородских пятин десятки тысяч человек¹¹⁶. К примеру, в Полоцкий поход 1562–1563 гг. вышла «сила новгородская и псковская» максимум до 3000 человек дворян и детей боярских. С учетом послужильцев (3000–6000), а также пищальников-стрельцов (1000–2000), предел мобилизационных возможностей Новгородской и Псковской земель может быть приближен к 10 000.

Показания луцкого помещика не могут быть использованы для реального количественного измерения новгородско-псковского войска. Чтобы подкрепить наше утверждение о ненадежности показаний пленных, обратимся еще к трем похожим примерам. Во всех трех случаях мы сможем проверить результаты допросов путем сопоставления с разрядными записями, которые дают возможность очертить примерную численность войск в походах.

В первые годы Ливонской войны на стол магистру или коадьютору ложились доклады, аккумулирующие основные показания пленных о вооруженных силах своей страны. Во всех случаях «свидетелями» выступали простые слуги или рядовые дети боярские, захваченные при разных обстоятельствах. Обязательно указывалось, что часть сведений пленные рассказывали добровольно, а часть — с применением пытки.

В настоящее время ливонский архив рассеян по государственным собраниям Скандинавии и Прибалтики. Часть интересующих нас документов хранится в Стокгольме и Копенгагене. В свое время К. Ширрен опубликовал несколько документов из Стокгольмского архива, среди которых нам попались результаты допросов двух русских пленных, произведенных 27 января 1558 г. В обобщенном докладе фиксировалась общая численность армии, отправленной на опустошение Ливонии: 33 000 человек, поделенные на 4 отряда. Первый отряд под предводительством некоего Данилы (*Danila*)

---

¹¹⁵ [1535 г., май(?)]. Протокол допроса гетманом Ю. М. Радзивиллом пленного луцкого помещика В. И. Хрущова. // ПИВЕ. М.; Варшава, 2002. Т. VI. № 57. С. 138.

¹¹⁶ В самом Новгороде по сметному и разметному списку 1545 г. числилось 5096 всех дворов (ААЭ. СПб., 1836. Т. I. № 205. С. 184). См.: Алексеев Ю. Г. Походы русских войск при Иване III. С. 119. Примеч. 40. — О размерах землевладения на Новгородчине см.: Аграрная история Северо-Запада России XVI в.: Новгородские пятины. Л., 1974.

насчитывал 3000 татар и 7000 черкас, другой отряд (*Czerssiech golj*) — 2000 татар. В третьем отряде находилось 20 000 москвитов «Ивана Васильевича», отдельным корпусом шла 1000 пищальников¹¹⁷. В переписке В. фон Плеттенберга и В. Фюрстенберга (письмо из Гельмета от 2 февраля 1558 г.) говорится о том, что ливонцам было «хорошо известно» все-таки не об одной армии в 33 000, а о двух общей численностью в 70 000 человек¹¹⁸.

Обращение к разрядной книге позволяет определить состав группировки («генваря в ... день посылал государь царь и великий князь Иван Васильевич всеа Руси воевать неметцкие Ливонские земли из Пскова зимою»)¹¹⁹:

Большой полк: царь Шиголей (пристав кн. И. М. Хворостинин), кн. М. В. Глинский, Д. Р. Юрьев; с рядом И. М. Лыков Лях. Под их командованием 13 голов.

Полк правой руки: кн. В. С. Серебряный, окольничий И. В. Шереметев Меньшой; царевич Кайбула (пристав М. И. Салтыков); «с темниковскими тотары» кн. Ю. П. Репнин. Под их командованием 7 голов.

Передовой полк: И. В. Шереметев Большой, А. Д. Басманов-Плещеев; царевич Тохтамыш, (пристав Д. Г. Плещеев); черкасы князя Иван Омашук «з братьею, а в приставах у них Федор Вокшерин»; «с казанскими людьми» Д. Ф. Адашев, «а с служивыми тотары» Т. Ф. Игнатьев. Под их командованием 8 голов.

Сторожевой полк: кн. А. М. Курбский, П. П. Головин; «с мордвою с муромскою» И. С. Курчов, «а с казанскими людьми, з Муралеем и с Костровым с товарищи, которые были в Невегороде испомещены Павел Заболоцкой». Под их командованием 5 голов.

Полк левой руки: кн. П. С. Серебряный, М. П. Головин; «с нижегородскою мордвою» И. П. Новосильцев. Под их командованием 5 голов.

Здесь принципиальным показателем является не число воевод, а *число голов* — командиров подразделений. Подсчет голов в конечном итоге даст нам некоторое представление, о том, сколько же людей было под началом воевод. Если в определении размеров войска начала XVI в., как в примере с Оршинской битвой, мы не могли опереться на столь важный показатель численности ввиду отсутствия прямых указаний на него в разрядах, то для второй половины XVI в. число «голов у воевод» является одним из главных критериев количественного измерения дворянской составляющей, которая была доминирующей в войсках. Головы командовали подразделениями — «сотнями», насчитывавшими от 50 до 300 человек¹²⁰, в зависимости от «конности и людности» уездных помещиков и их боевых слуг.

Как видим, несмотря на некоторые совпадения имен военачальников, показания пленного не совсем точны. Воевода Danila — это, очевидно, Данила Юрьев, второй воевода большого полка; Iwan Wassilewitz — Иван Васильевич либо Шереметев Боль-

¹¹⁷ Schirren C. Quellen zur Geschichte des Untergangs livländische Selbständigkeit aus schwedischen Reichsarchive zu Stockholm. Reval, 1862. Bd II. S. 98. № 159.

¹¹⁸ Ibid. S. 120. № 173.

¹¹⁹ Разрядная книга 1475–1605 гг. М., 1981. Т. II. Ч. I. С. 16–20.

¹²⁰ В походах 1560–1570-х гг. под командованием голов было от 55 до 200 человек. Например: «Голова князь Тимофей князь Романов сын Трубецкой, а с ним детей боярских розных городов 185 человек», «голова князь Андрей князь Васильев сын Трубецкой, а с ним детей боярских розных городов 120 человек»; «голова Михайло Иванов сын Головин, а с ним детей боярских 55 человек» (Разрядная книга 1475–1605 гг. М., 1982. Т. II. Ч. III. С. 449).

шой, либо Шереметев Меньшой; Czersich golj — царевич Шигалей. Пленный называет имена тех начальных и подначальных воевод, о которых слышал. Отмечено присутствие татар (казанских и темниковских). Не названы большинство главных воевод — М. В. Глинский, кн. В. С. Серебряный, А. Д. Басманов, А. М. Курбский, П. П. Головин, П. С. Серебряный, М. П. Головин.

В этом походе участвовали всего 38 *голов* — командиров дворянских «сотен». С учетом того, что в «сотне» могло быть от 100 до 200 человек (в зависимости от численности боевых слуг), получается, что поместной конницы могло быть до 6000–7000. Сложно поддается исчислению количество татар, мордвы и черкас. Но даже если предположить, что их было до 1/3 (взять максимальный предел), то в любом случае численность объединенной группировки не превышала 9000–10 000 человек. Таким образом размер армии в показаниях пленных был увеличен не менее чем в три раза. В письме В. фон Плеттенберга мы видим увеличение уже в семь раз!

Теперь обратимся к примерам из копенгагенских актов, где встречаются несколько показаний «полоняников» 1559 г. К письму венденского корнмейстера из Эрмса ливонскому магистру Вильгельму Фюрстенбергу были приложены показания двух русских. Ливонцев интересовали сведения о расположении войск, их численности, планах, орудиях, наличии огнестрельной пехоты.

Взятый в плен в январе при Сесвегене «слуга» (*knecht*) «боярина» Федерина (*Federin*) с пытки поведал, что в Ливонию вторглись 50 000 человек; войскам приказано «овладеть всем краем, а затем идти на Ригу». Русские поделились на семь отрядов. Из них самая крупная, десятитысячная группировка, направилась на Шванебург и Сесвеген. При том у русских «нет пушек, только 4 небольших орудия наподобие фальконетов (*falckenetell*)». Под командованием одного из воевод — «Микиты Романовича» — «600 пищальников (*hakenschutzens*), некоторые верхом», причем все пищали получены «из этой страны», т. е. Ливонии (!)¹²¹.

Показания второго пленного — сына боярского Адриана Кикина (по-видимому, из рязанцев или каширян) — несколько отличаются от свидетельства первого. Цель похода, со слов Кикина, другая — «...не осаждая крепостей, быстро пройти до Двины грабежом и огнем и вернуться обратно». Ратник говорил не о семи, а о четырех отрядах и перечислил воевод: 1) кн. Симон Микулинский; 2) кн. Василий, «главный предводитель»; 3) Юрий Кассин (*Kassin*) и Шереметев; 4) Микита Романов, находящийся уже в десяти милях от Вендена. Особо интересовало ливонцев наличие огнестрельного оружия. Пленный сказал, что с русскими идут 1000 пищальников, а возле каждой палатки «стояли по два маленьких полевых орудия» (*kleine stucklein feltgeschutz*)¹²².

Вновь сопоставим показания с разрядными записями. «Лета 7067-го послал государь царь и великой князь на ливонские немцы зимою»:

Большой полк: царевич Тохтамыш (пристав Д. Г. Плещеев), воеводы С. И. Микулинский, П. В. Морозов. С ним ракоборские воеводы М. П. Репнин, С. С. Нармацкий. Воевода у наряда Г. И. Заболоцкий. С ними 14 *голов*.

Передовой полк: воеводы В. С. Серебряный, Н. Р. Юрьев. С ними воевода из Острова Ф. В. Шереметев. А. П. Телятевский «с царевым Шиголеевым двором»; воевода Б. И. Сукин «с казанскими з горными и с луговыми людьми». С ними 9 *голов*.

---

¹²¹ Щербачев Ю. Н. 1) Копенгагенские акты... № 47. С. 88; 2) Датский архив: Материалы по истории Древней России, хранящиеся в Копенгагене: 1326–1690 гг. М., 1893. № 79–80. С. 28–29.

¹²² Щербачев Ю. Н. Датский архив... № 48. С. 89.

Полк правой руки: воеводы Ю. И. Кашин, И. В. Меншой Шереметев, юрьевский воевода П. Д. Щепин; «с служилыми татары Роман Олферьев. Да с новокрещены с татары Ондрей Михалков». С ними 8 голов.

Полк левой руки: воеводы боярин П. С. Серебряный, И. А. Батурлин; юрьевский воевода М. П. Головин; «с темниковскими и с ценскими людьми» Г. Н. Сукин. С ними 7 голов.

Сторожевой полк: воеводы М. Я. Морозов, Ф. И. Салтыков; «с кадомскими людьми Семейка князь Данилов сын Гагарин». С ними 7 голов.¹²³

Всего 46 голов. Состав войска не сильно отличался от рати в январе 1558 г.: дворянских сотен в 1559 г. больше, но татарских и прочих подразделений меньше. Достаточно легкие корпуса, не обремененные тяжелой артиллерией, многочисленной посохой, вереницами обозов, огнем и мечом прошлись по Ливонии, не осаждая крепостей. Войско действовало по классической схеме — делилось на многочисленные отряды-«загоны» и широкими охватами опустошало территорию.

Пленные перечислили тех воевод, о которых слышали: воевода большого полка С. Микулинский; «князь Василий» — это первый воевода передового полка В. С. Серебряный, названный почему-то «главным»; «Микита Романов(ич)» — это Н. Р. Юрьев, второй воевода того же передового полка, а не командир отдельного соединения; «Юрий Кассин и Шереметев» — воеводы Ю. И. Кашин и И. В. Шереметев Меньшой полка правой руки. Не упомянуты воеводы левой руки и сторожевого полка. Количество названных пищальников и полевых орудий, кажется, не вызывает сомнений. Но цифра «50 000», прозвучавшая из уст несчастных пленных, не может считаться достоверной.

В разрядах речь идет о контингентах не более 10 000–12 000, в противном случае получается казус — татарские мурзы и 45 голов командуют не *подразделениями* в 50–200 человек, а *соединениями* в 1000 человек и больше! В словах пленных мы видим увеличение численности более чем в четыре раза.

Почему информация о численности, добытая с помощью пыток, не являлась достоверной? Скорее всего, мы имеем дело с продуманным ходом русского главнокомандования по дезинформации противника. Рассказывая ложные сведения, ратник мог и не догадываться об этом. Он лишь перечислял то, что говорили ему его непосредственные командиры — сотенные головы и воеводы.

Иначе непонятно, каким образом рядовой воин, а тем более слуга, мог знать какие-либо *реальные* данные о размерах *всей* группировки? Служилые города — это, по сути, замкнутые корпорации, со своей строгой иерархией. Вряд ли помещик «старомосковского города», служивший в большом полку имел представление, скажем, о размерах «новгородских» корпораций полков правой или левой руки. Как московские «сотни» (в которых было более 100 человек), так и провинциальные «сотни» (насчитывающие иногда и менее 100 человек) не смешивались с другими, сохраняли свою корпоративную организацию и название. Упомянутый выше помещик В. Хрущов, приведя фантастические цифры новгородско-псковской рати в 50 000, достаточно точно обрисовал состав своего служилого города: всего 300 человек, из них детей боярских — 90 человек¹²⁴.

¹²³ Разрядная книга 1475–1598 гг. С. 174–175; Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. II. Ч. I. С. 40–42.

¹²⁴ [1535 г., май (?)]. Протокол допроса гетманом Ю. М. Радзивиллом пленного луцкого помещика В. И. Хрущова. С. 137.

В русском военном ведомстве (со второй половины XVI в. — в Разрядном приказе) существовал специальный формуляр наказа, по которому создавались инструкции для ратных людей — *что* говорить противнику в случае пленения. Следы данного формуляра встречаются в разрядных записях конца XVI в., и особенно часто — середины XVII в. Разрядные записи, как правило, лаконичны, и только в редких случаях содержат полные тексты наказов воеводам. Тем не менее сохранились ценные указания, *что* именно и *как* следует отвечать на допросах. Сравним, к примеру, тексты наказов из Разряда 1595 и 1617 годов:

Наказ 1595 г. ¹²⁵	Наказ 1617 г. ¹²⁶
<p>...ково из них на поле возмут тотаровя и учнут про вести розпрашивать и они б сказывали: что на Туле, и на Деделове, и на Резани, в Резанских пригородах, и в Шатцком стоят бояре и воеводы многие, и со многими людьми, и литва, и немцы, и тотарова казанские, и свияжские, и всех понизовых городов, и мешчерские многие казаки и стрельцы с вогненным боем; а на берегу в Серпухове, и на Коломне, и по всему берегу стоят большие бояре и воеводы многие со многими людьми, и стрельцы многие, и казаки донские и волские и яицкие, и терские атаманы, и казаки, и черкасы, и немцы, и литва, и всякие иноземцы многих земель, многие с вогненным боем; а мы, по вестям смотря, идем с Москвы против недруга своево крымсково царя, где ево скажут, со всею землею и с прибыльными ратьми</p>	<p>...ково из них притчею на разгон возьмут и учнут про вести спрашивать...и они б сказывали, что на Туле и по всем украинным городом стоят бояре и воеводы со многими людьми, и литва, и немцы, и татарова казанские и свияжские, и мешчерские и всех Понизовых городов, и многие стрельцы, и казаки с вогненным боем, а во Мценску, и на Кропивне, и на Деделове, и на Епифани, и на Веневе стоят бояре и воеводы, а с ним дворяне и дети боярские, и литва, и немцы, и всякие иноземцы многих земель, и многие стрельцы и казаки донские, волские и яицкие, и черкасы многие с вогненным; а сам государь... по вестям смотря, идет с Москвы на воинских людей, где их скажут со всею землею и с прибыльными ратьми</p>

Как видим, формуляр наказа царя Федора Ивановича ничем не отличается от подобного документа времен Михаила Федоровича: вначале говорится о крупных силах на Туле и украинских городах, затем — по «берегу», а в конце — о приходе многочисленной царской рати. Перед нами образец *дезинформации* противника.

Приведенные примеры относятся к южному театру боевых действий. Но ничто не мешает нам предположить существование подобных директив на западном и северо-западном направлениях. К сожалению, вследствие плохой сохранности, до нас дошло крайне мало документов более раннего периода. С учетом существования в разное время при разных царях подобной традиции и практики, можно выдвинуть версию о хождении подобного «инструктажа» и в середине XVI века.

В разрядах 1558–1559 гг. мы видим в массе своей конные войска, состоящие из 38–46 подразделений. У каждого воеводы большого и передового полка было в сред-

¹²⁵ Разрядная книга 1475–1605 гг. М., 1989. Т. III. Ч. III. С. 89–90.

¹²⁶ *Беляев И. Д.* О сторожевой, станичной и полевой службе на польской Украине Московского государства до царя Алексея Михайловича. М., 1846. С. 31–32.

нем по пять голов, у остальных — от трех до четырех командиров подразделений. Рассмотрим, какие силы были выделены в походы 7068 г. — осадные армии на Юрьев и Феллин и полевая армия по «крымским вестям». Здесь мы обнаруживаем разные по структуре и численности армии (см. Таблицу № 1).

Таблица № 1.

Соотношение воевод и голов в походах 7068 года¹²⁷.

Полк	«на поля» воеводы/головы	Под Юрьев воеводы/головы	Под Феллин ¹²⁸ воеводы/головы
Большой	3/16	6 ¹²⁹ /23	6/39
Правой руки	2/9	2/9(+1) ¹³⁰	4/13(+1) ¹³¹
Левой руки	2/7	2/6	3/11
Передовой	2/8	2/9(+1) ¹³²	2/13(+1) ¹³³
Сторожевой	2/6	2/6	2/13
Итого	11/46	14/53	17/86

Небольшие контингенты легкой татарской конницы под руководством также голов были в полках: большом, передовом и правой руки.

Анализ разрядов показывает, что размеры армий, действовавших на оперативных направлениях с разными задачами, в реальности были куда скромнее, чем подсчитанные современными историками: осадные армии могли достигать от 11 000 (Юрьев) до 17 000–20 000 человек (Феллин); полевые — до 9000–14 000.

В связи с рассмотрением вышеприведенных примеров, хочется отметить несколько существенных моментов.

Во-первых, мы видим, что в осадной армии число подначальных голов у полковых воевод может варьироваться. В 7068 г. в большом полку у воеводы было в подчинении от четырех (Юрьевский поход) до семи (Феллинский поход), в передовом полку — от четырех–пяти до шести–семи, в полку правой руки от трех до четырех, в полку левой руки от трех до четырех, в сторожевом полку от трех до семи голов соответственно. В то же время в полевой рати, вышедшей «на поля» по крымским вестям, соответственно было по пять–шесть, четыре, пять, четыре и три головы. Таким образом, у воеводы, с учетом его местнического статуса, могло быть от трех до семи командиров в подчинении, т. е. от 300–600 (минимум) до 700–1400 (максимум) человек, в зависимости от численности подразделения.

Во-вторых, если брать *максимальный* показатель — не 100, а даже 300 человек у головы, то и в этом случае итоговые данные никак не могут подтвердить выводы

¹²⁷ Все подсчеты сделаны по источнику: Разрядная книга 1475–1598 гг. С. 183–187.

¹²⁸ Кроме того, вперед для блокирования города («городу к Вильяну посылаю город осадити») был послан легкий отряд В. И. Барбашина, Д. Г. Плещеева, В. Б. Сабурова (Разрядная книга 1475–1598 гг. С. 191–192).

¹²⁹ Подсчитано без царевича Ибака.

¹³⁰ «Да с новокрещены и с татары, и с казанскими князьми голова Богдан Постников сын Губин».

¹³¹ «...с служилыми татары Михайла Лопатин».

¹³² «А с служилыми татары голова Олексей Григорьев сын Давыдов».

¹³³ «Да в передовом же полку князь Иван Андреевич Золотой с татары».

М. М. Крома. Выделенное историком соотношение воевод и воинов (для первой половины XVI в. один к 3500, для второй половины XVI в. один к 4500) не может быть принято. Если попытаться вывести средние показатели числа воинов в расчете на одного воеводу, то в любом случае результат будет меньше, чем цифры, гипотетически обоснованные М. М. Кромом.

В-третьих, необходимо затронуть еще одну проблему, которую предпочитают обходить сторонники «тьмочисленности»: каким образом одному воеводе удавалось на поле боя и в походе осуществлять руководство над ратью в несколько тысяч человек? При примитивных «адыютантской» службе и сообщении между полками, отсутствии линейных порядков и «артикулов» орда конников становится совершенно неуправляемой.

Ко всему вышесказанному можно добавить и четвертый вопрос: как такое огромное войско могло разместиться на поле сражения? Ведь большинство известных нам и локализуемых на местности театров военных действий — территориально сравнительно небольшие.

Однако, если принять умеренные показатели численности русской армии в XVI в., все равно остается невыясненным один принципиальный вопрос. Входили в эту цифру боевые холопы или нет? Чтобы попробовать ответить на него, вернемся к истории Полоцкой кампании 1563 г., когда «в государев поход» отправилось большинство вооруженных сил страны. Историографические оценки размера армии охватывают широкий диапазон — от 30 000 до 110 000 человек.

Такой разброс в оценках объясняется тем, что в сохранившемся полоцком разряде 1563 г. дана не вся роспись войска. Совершенно непонятно, учитывались боевые холопы или нет. Отсутствуют в «Книге Полоцкого похода» стрельцы и посошные люди. С. М. Каштанов предположил, что холопов-послужильцев считали вместе с хозяевами-помещиками¹³⁴. Большинство историков придерживаются иного мнения — холопы не посчитаны, их надо прибавить к данным разрядов. В результате получится армия не менее чем в 60 000–80 000¹³⁵.

Мы считаем, что боевые холопы, конечно же, не учитывались в разряде, однако их число не могло превышать число помещиков. Во-первых, повторимся, у большинства помещиков земельные наделы были не более 200 четей. Во-вторых, при привлечении десятен необходимо обратить внимание на то, что если в одном случае мы имеем дело с результатами смотра в уездном городе (Кашира 1556 г., например), то когда речь заходит о дальнем походе («полковая служба») — это совершенно другой случай. Возможность выступать в многомесячную дальнюю службу с несколькими боевыми холопами, «о-двуконь», с оружием и в доспехах была не у каждого воина. Не стоит забывать к тому же чрезвычайно острую проблему дефицита провианта в условиях зимы. «Орда» в несколько десятков тысяч человек ежедневно требовала снабжения несколькими тоннами фуража, а в месяц — десятками тонн.

---

¹³⁴ Каштанов С. М. К вопросу... С. 113.

¹³⁵ По словам Д. Н. Александрова и Д. М. Володихина, в Полоцком походе 50 000–80 000 боевых сил обслуживало «целое море» посохи (Александров Д. Н., Володихин Д. М. Борьба за Полоцк между Литвой и Русью в XII–XVI веках. М., 1994. С. 92). По версии Р. Г. Скрынникова, 18000 детей боярских «сопровождало до 20–30 тыс. их холопов». (Скрынников Р. Г. Указ. соч. С. 167).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, нужно признать, что во время Ливонской войны войсковые группировки воевод насчитывали не фантастические 50 000–100 000, а количество, в несколько раз меньшее. В источниках можно найти и другие доказательства данного вывода. Так, под Невелем в 1563 г. у А. М. Курбского было 15 000. С этими силами воеводе не удалось разбить отряд литовцев. Позже Грозный укорял беглого князя: «с 15 тысячами человек вы не смогли победить 4 тысячи»¹³⁶. Если бы у Курбского было 45 000, как о том писали польские хронисты¹³⁷, то царь не упустил бы случая в очередной раз поиздеваться над князем — какой прекрасный пример «недоброхотства» воеводы, имевшего 10-кратное преимущество и не сумевшего разбить противника! В кровопролитной упорной битве при Молодях 1572 г., в которой решалась судьба Москвы, согласно полковой росписи, было «всего во всех полках со всеми воеводами всяких людей 20 034 чел., опричь Мишки с казаки»¹³⁸. В Ливонском походе 1577 г. «з государем бояр, и дворян, и детей боярских, и стрельцов, и казаков, и тотар» принимало участие примерно такое же число воинов¹³⁹.

По всей видимости, на разных оперативных направлениях воеводы Ивана Грозного действовали корпусами численностью до 10 000–15 000, несколько меньше воинов было у воевод Василия III, ибо тенденции роста вооруженных сил нельзя игнорировать.

От XVII столетия (с 1620-х гг.) до наших дней дошла объемная источниковая база о русском войске — материалы приказных архивов, главным образом Разрядного приказа. Имеем ли мы право сравнивать показатели вооруженных сил с интервалом в сто лет, скажем 1550-х и 1650-х гг.? Полагаем, что такой подход оправдан только в одном случае: если есть необходимость выявить максимальное ограничение размеров армии предыдущей эпохи.

Не видим необходимости объяснять изменение размеров вооруженных сил за 70–100 лет: рост численности населения и активные военные реформы первых Романовых (наборы в пехотные полки иноземного строя крестьян и в кавалерийские regimenty обедневших дворян) в итоге дали и увеличение численности армии.

Но известные нам с высокой степенью достоверности размеры вооруженных сил, действовавших на полях русско-польской (1654–1667) и русско-шведской (1656–1658) войн значительно отличаются от фигурирующих в историографии количественных показателей вооруженных сил XVI в. в... меньшую сторону! Начальные воеводы (И. Хованский, В. Шереметев, Ю. Долгорукий и др.) водили полки в 8000–15 000 человек. Сам царь Алексей Михайлович выступал в «государевы походы» на Смоленск в 1654 г., Вильну в 1655 г. и Ригу в 1656 г., имея всех ратных людей в «сметах» числом в 35 000–41 000 (с учетом «нетства») — меньше запланированного списка¹⁴⁰. Ни о каких

¹³⁶ Это один из немногочисленных примеров, когда мы не видим причин не доверять повествовательному источнику (Первое послание Ивана Грозного Андрею Курбскому // Библиотека литературы Древней Руси. СПб., 2001. Т. 11. С. 63).

¹³⁷ *Strykowski M.* Kronika Polska, Litewska, Ęmydzka... Т. 2. S. 413; *Bielski M.* Kronika Polska. S. 1151–1152.

¹³⁸ Документы о сражении при Молодях // Исторический архив. 1959. № 4. С. 177.

¹³⁹ Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. II. Ч. III. С. 458–482.

¹⁴⁰ *Мальцев А. Н.* Россия и Белоруссия в сер. XVII в., М., 1974; *Курбатов О. А.* Русско-шведская война 1656–58 гг.: проблемы критики военно-исторических источников // Россия и Швеция в средневековье и новое время: Архивное и музейное наследие. М., 2002. С. 150–166.

50 000, 60 000, 80 000, и тем более 100 000-х полевых ратях в XVII в. речи быть не может. Почему же тогда они появляются на страницах работ, посвященных истории предыдущего, XVI века?

Эпидемии, катастрофические последствия Ливонской войны и Смуты служили тормозом развития сословно-служилых групп. Но процесс непрерывного наращивания и реформирования войск шел постоянно. К 1630 г. по «смете» общее число воинов составляло 92 555 человек¹⁴¹, причем в Смоленский поход смогли собрать только около 32 000 человек. В 1651 г. общая смета вооруженных сил, включая дальние гарнизоны, сибирские полки и др., составляла 133 200 человек¹⁴².

Пример того, когда общая численность вооруженных сил не может являться свидетельством военной мощи государства, можно найти у одного из главных соперников России в XVI в. — ВКЛ. При наличии, согласно «пописам», значительных воинских контингентов, король мог выставлять в «поле» небольшие по своим размерам рати¹⁴³.

Изучение служилых сословий позволяет выявить изменения структуры сословно-представительских групп внутри военной организации, определить в одном случае прогрессивные, в другом — регрессивные тенденции. Так, в первой половине XVI в. наблюдается интенсивный рост поместной системы. Правительство наделяет служилых людей обширными поместьями. Беспрецедентные шаги касаются даже нескольких сотен боевых холопов из состава распущенных боярских свит. Неудивительно, что абсолютное большинство в вооруженных силах на тот момент составляли именно помещики — дворяне и дети боярские.

По нашему мнению, в 1510–1530-х гг. в больших походах (например, «государев поход» на Смоленск 1514 г., поход на Литву 1535 г.) могли принимать участие до 20 000 человек. На отдельных театрах боевых действий развернутые конные рати могли насчитывать до 10 000–12 000 (например, под Оршей в 1514 г.). При абсолютном превалировании поместной конницы над другими родами войск общая численность вооруженных сил в этот период не могла быть более 40 000.

Самый максимальный показатель численности дворянской конницы был достигнут в Полоцком походе 1563 г. (18 000). Из общего количества вооруженных сил действующая армия составляла при самых благоприятных условиях до 2/3 — все зависело от срока, условий и результатов проведения мобилизации. «Нетство» (неявка на сборный пункт) и бегство «из-за скудности» были бичом военной системы. На смотрах в десятнях, как правило, показано одно число воинов, а по факту в дальнюю полковую службу выступало гораздо меньше. Принимая во внимание размеры землевладения, а также и то обстоятельство, что в поход дети боярские приводили далеко не то количество слуг, которое было заявлено на периферийных смотрах, можно выдвинуть предположение о 25 000–30 000 контингенте поместной милиции (вместе с боевыми холопами) в Полоцкой кампании.

Но к концу 1570-х гг. доля поместной конницы в русском войске значительно падает. Наглядными примерами служат десятни — Коломенская 1577 г. и Рязская 1579 г.

---

¹⁴¹ Чернов А. В. Указ. соч. С. 130; Сташевский Е. Д. Смета военных сил Русского государства на 1632 г. // Военно-исторический вестник. 1910. № 9–10. С. 50–85.

¹⁴² «Сметный список» военных сил России в 1651 г. С. 8–33.

¹⁴³ Подробнее о кризисе «посполитого рушения» к 1560-м гг. см.: Янушкевич А. Вялікае Княства Літоўскае і Інфлянцкая вайна 1558–1570 гг. Мінск, 2007. Раздзел II. С. 118–210.

Опустошительные набеги татар и ногаев, голод и эпидемии, затянувшаяся Ливонская война — все это привело к разорению большинства помещичьих хозяйств. В Коломне один послужилец приходился уже на двух–трех дворян, а в Рязске — один на десяти¹⁴⁴.

Между тем нельзя не отметить значительный рост с 1500-х гг. пехотных частей. Присутствие всего 1000–2000 пищальников в походах до 1540-х гг. являлось максимальным показателем пехоты в войске. С момента учреждения стрелецкого войска происходит постепенное увеличение доли стрельцов в армии. Они, вместе с казачьими соединениями, уже в походах 1560-х гг., и особенно в 1577–1579 гг., составляют весомую часть войска, до 15 000 человек.

Реформы XVI в. происходили на фоне изменений военной организации в Европе. Рост пехотных соединений, вооруженных в основном огнестрельным оружием, совпал не только с великой «пороховой революцией» (*gun pulver revolution*), но и со значительным уменьшением роли поместной конницы. Поэтому изучение тенденции изменений роли служилых сословий занимает особое место в исследовании численности русского войска.

К 1550–1560-м г., когда рост поместной системы достиг своего апогея, а стрелецкие и казачьи войска интенсивно развиваются, есть повод говорить о военной силе в 60 000, из которых более половины — поместная конница. Разряд Полоцкого похода является свидетельством того, что максимальное число воинов в кампании могло доходить до 45 000 человек (из них 5500 татар, до 5000 казаков, до 3000–4000 стрельцов, не более 30 000 дворян и их холопов). Внутри этой численности соотношение служилых людей «по прибору» и «по отечеству» могли меняться.

По нашему мнению, указанный предел численности вооруженных сил для середины XVI столетия был сокращен к концу 1570-х гг., вследствие тяжелой войны, до 40 000. Это вполне объясняет, почему навстречу орде Девлет-Гирея в генеральном сражении при Молодях 1572 г. было собрано чуть более 20 000, «опричь Мишки с казаки».

Summary

In A. Lobin's paper the Russian Army number in 16th cent. is studied apart from the historiographic survey the author on having criticized methods, that are in use now puts forward a new method of figuring out the number of the armed units members in the second half of the 16th cent.. The method is based on calculating "golova"s ("heads") i.e commanders of a sotnya ("hundred") mentioned in razryadnye books. At the same time the problem is not to be solved so easy when the counting up the "golova"s is impossible (before 1540-s). In this case the way of extrapolation of the later data onto earlier ones may be justified. The battle near Orsha in 1514 may stand as an example. The author determines the number of war corporations which participated in this battle

---

¹⁴⁴ Фатеев Д. М. Приокские служилые города в 1550-х и 1570-х гг. (готовность к дальней полковой службе) // Прошлое Новгорода и Новгородской земли. Материалы научной конференции. Великий Новгород, 2002. Ч. 1. С. 127–128.

and then calculated the possible number of the landowners representing each corporation, on the basis of the Polotsk campaign of 1562/63 razryad data.

The author asserts that the process of changes in Russian Army was unbreakable through the whole 16th century. Special attention is paid to the tendencies of the changes. For instance, the increasing number of pomestnaya cavalry in 1500–1560-s has been pointed out as well as its recession caused by unsuccessful Livonic war in 1570–1580-s.

To summarize the author states that in certain campaigns cavalry units numbering up to 10 000–12 000 people could take part while “in some military expeditions up to 20 000 people could participate in 1510–1530-s” .